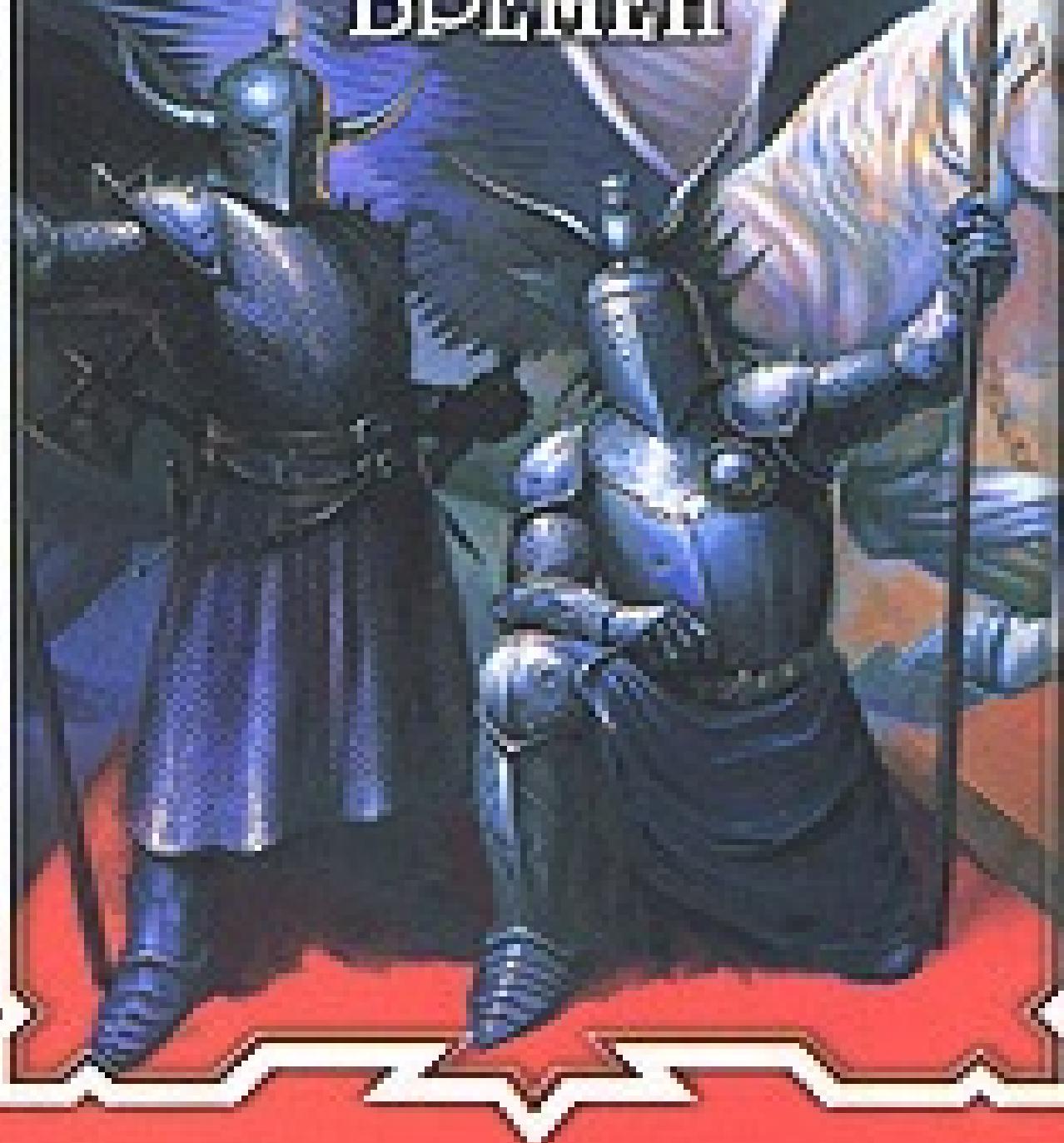

КОНАН И КРЫТ ВРЕМЕНІ

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2007, том 126 «Конан и Круг Времен»
Терри Донован, Мартин Шерр. Круг Времён (повесть), стр. 205-352

- [Терри Донован, Мартин Шерр](#)

- [I](#)
  - [II](#)
  - [III](#)
  - [IV](#)
  - [V](#)
  - [VI](#)
  - [VII](#)
  - [VIII](#)
  - [IX](#)
  - [X](#)
  - [XI](#)
  - [XII](#)
  - [XIII](#)
  - [XIV](#)
  - [XV](#)
  - [XVI](#)
  - [XVII](#)
  - [XVIII](#)
  - [XIX](#)
  - [XX](#)
  - [XXI](#)
  - [XXII](#)
  - [XXIII](#)
  - [XXIV](#)
  - [XXV](#)
-

Терри Донован, Мартин Шерр
Круг Времен

Ничто не предвещало беды. Море было спокойным, как престарелый евнух. Нагретая солнцем вода, повинуясь солнному бризу, лениво морщилась покатыми волнами.

Торговый корабль «Глаз Асурь», принадлежавший купцу Дханпату, казалось оцепенел на бескрайней глади Вендиjsкого моря. Паруса едва трепыхались. Палуба тоже казалась вымершей. Поддавшись разлитой над влагой лени, моряки предавались праздности. Сил хватало лишь слегка шевелить языками.

Только один мореход не поддавался общему настроению. Высокий и статный, непохожий на других, в одной набедренной повязке, с бронзовым от загара телом и черными волосами, заплетенными в длинную косу, он, словно изваяние, застыл на носу судна. Он не доверял обманчивому спокойствию моря.

Корабль шел из Вендии к берегам Черных Королевств, мимо островов Жемчуга. Два дня назад он отплыл из гавани Ашохана. Трюмы судна были доверху забиты драгоценными специями. Пряные запахи витали над палубой, наполняя души моряков спокойной уверенностью в успехе предприятия.

Не в первый раз морские бродяги совершали этот путь. И потому они были беспечны и предвкушали то время, когда они вернутся назад, выручив хорошие деньги за товар. Когда они бросят якорь в родной бухте, а выпотрошенный корабль останется под присмотром портовой стражи и пары часовых, которые, само собой, тут же напытятся и заснут прямо на дощатой палубе — под усыпаным крупными звездами небом родины. Они мечтали о гибких храмовых танцовщицах, о юных плутовках на улочках трущоб, готовых на все ради плошки зерна и крепком пальмовом вине, которое так славно готовит старый Чанда из Бхарупы.

Моряки смеялись, нежась под лучами южного солнца, позабыв о том, что боги не любят, когда простые смертные пророчат себе удачу.

Время от времени они беззлобно задирали угрюмого гиганта с косой.

— Иногда я принимаю Конана за обрубок мачты. Он так же неподвижен и молчалив. Эй, братя, надо проверить, может, он уже умер? — балагурил просмоленный моряк, с черным, словно головешка лицом.

Ватага хотела, продолжая зубоскалить, но он не обращал внимания на пустомель. С самого начала путешествия им владели дурные предчувствия. Варварский инстинкт предупреждал: будь начеку!

Зато его хозяин «Глаз Асурь», Дханпат был весел и не помышлял о беде. Он лежал в своей каюте, единственной на корабле, и лениво наблюдал за черноволосым гигантом сквозь открытый зарешеченный люк в палубе. И даже две юные служанки, молчаливо сидящие по обе стороны от ложа купца и готовые исполнить любое желание хозяина, не могли отвлечь его хотя бы на мгновение.

Дханпат был тучный, круглолицый мужчина с глазами навыкате и толстыми бородавчатыми пальцами, напоминающими хвосты древесных гадов. Купец любил жизнь и надеялся, что боги и впредь будут одаривать его своими милостями.

Сейчас он размышлял, и на это у него была веская причина. Он не понимал — почему Конан не пьет и не веселится со всей командой, а держится особняком. Да и по мнению жен Дханпата — северный варвар выглядел крайне подозрительно. Может быть он поспешил и не стоило брать киммерийца рулевым на корабль и доверять драгоценное судно лапам этого дикаря?

— Конан, ты стоишь так уже два колокола! Пойди отдохни! — воскликнул Дханпат, рассчитывая что варвар встрепенется и выйдет из своей угрюмой задумчивости.

При этих словах, находившаяся в его рту виноградина вылетела, и едва не упала на грязный пол. Юная служанка поймала ягоду, и, чтобы загладить неловкость хозяина, быстро ее проглотила.

Конан молчал. Он прекрасно слышал слова купца, но отвечать не спешил. Не пристало воину попусту молоть языкком, подобно этому отребью на палубе.

— У меня есть для тебя подарок, Конан, — продолжал Дханпат. — Две мои рабыни полюбили тебя, едва увидев впервые. Спускайся вниз и я позволю им утолить твою страсть. Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь их прекрасные точеные лица и гибкие тела. Поверь, они восхитительны. Мои добрые жены прислали их, чтобы я не скучал в плавании. Но я хочу поделиться с тобой своим наслаждением, Конан. Ведь я еще не отблагодарил тебя за то, что ты ловко раздался с теми мерзавцами, которые подстерегли меня на задворках Ашохана.

Конан вовсе не собирался разочаровывать Дханпата и признаваться в том, что он сам подговорил этих бродяг напасть на купца. Они долго спорили, поскольку привыкли разбойничать в пустыне, грабя караваны.

Но варвару удалось втолковать этим тупоголовым детям Нергала, что нападение в тенистом переулке куда безопаснее и прибыльнее, чем лобовая атака среди песков. Они поверили и жестоко поплатились за свою доверчивость. В живых не осталось никого. Конан, конечно, надеялся, что кому-то из них удастся уцелеть. Но вышло по другому — им не повезло. Зато все выглядело весьма убедительно.

Тогда он спешил. Капитан Гураб буквально наступал ему на пятки. Коварный пират готов был пойти на все, чтобы выпустить Конану кишкы. Нельзя было терять ни дня. И Конан, услышав, что некий Дханпат назавтра должен поднять якорь и покинуть Ашохан, решил войти к купцу в доверие самым простым и быстрым способом — спасти ему жизнь.

Драка в переулке получилась на славу. Конан положил на месте всех грабителей, к вящему изумлению перепуганного купца. Дханпат остался доволен.

— Я помню, как ты играючи перерезал им глотки, — довольно щурился Дханпат. — Это было поразительно. Я тоже хочу поразить тебя, варвар. Ты поразишься тому, насколько не вяжется невинная внешность моих рабынь с их умением обращаться с мужчиной. У них тонкие талии, и плоские животы. Груди едва проявились и соски розовы и нежны, словно бутоны цветов. Они отзываются на каждое прикосновение. Языки их подобны лианам. Они умеют мурлыкать и выгибать спины, как кошки. Они сделают для тебя все, что только ты сможешь вообразить.

Голос Дханпата дрожал от вожделения, но Конан продолжал упорно молчать.

Ближе к вечеру, когда Податель Жизни уже направил свою золотую колесницу к кромке окоема, на небе появились мрачные облака. Варвар насторожился — такие обычно предвещают бурю. Облака лениво ворочались на багряном небе, словно стадо пустынных туров посреди осеннего поля. Потом от них отделилось одно — больше и темнее прочих. И поползло по направлению к кораблю.

Очертания облака менялись, его края становились все более четкими. Моряки забеспокоились. Они повскакали с мест, что-то залопотали на своем гортанном вендинском наречии, и стали отчаянно жестикулировать, показывая на небо.

Недавняя безмятежность уступила место тревоге.

— Танин! Танин! — вдруг истошно завопил темнолицый. Остальные тут же подхватили: — Танин, танин, — и начали метаться по кораблю, словно Зандра разом лишил их рассудка. Одни в ужасе полезли на мачты, другие решили забиться в трюм, а кто-то просто упал

на палубу и попытался растечься по ней, словно вытащенная из воды медуза.

— Таннин! — снова и снова раздавались вопли.

Конан не шелохнулся.

Его лицо с каждым мгновением мрачнело все больше. Он понимал, что перед ними никакой не таннин, как это представлялось суеверным вендинским мореходам, но по сути это ничего не меняло.

Небесный зверь Таннин, как считали вендинцы, не любит жары. Чтобы быть все время в прохладе, чудовище забирается внутрь облака и лежит там, свесив черный хвост. Но облако постепенно поднимается вверх и, приближаясь к солнцу, теряет прохладу и испаряется. В конце концов, оно рассыпается в невесомую пыль, и уже не способно удержать таннина. И черный зверь, кружась в потоках ветра, падает вниз. Обрушившись на землю или в море, он в неистовстве вытаптывает посевы, обгладывает листву с деревьев, пожирает скот, и губит людей, не разбирая кто перед ним: раб или король. Но когда, устав, он все же останавливается, то тут же мгновенно погибает, превращаясь в черный дым.

Волнение на море усилилось, горизонт сделался черным, ливень стал подобен туче стрел. Свирепый ветер гнал перед собой огромные волны, похожие на горы.

Морякам чудились в волнах безглазые морды морских химер, обезображеные яростью, которые приготовились жрать человеческое мясо. Вендинцы верили, что эти твари со змеиным телом, обитаю в кромешной тьме на морских глубинах, куда не отваживаются заплывать даже кракены. И только в штурм их, случается, выбрасывает на поверхность.

Налетел порыв резкого ветра, сильного как пощечина обиженней невесты, и холодного, как вода в подземных погребах Халоги. Корабль сильно качнулся, как будто задел днищем мель.

Паруса шумно хлопнули, потом на короткий отрезок времени обвисли, и затем неожиданно снова наполнились ветром. Но на этот раз в противоположном направлении.

Свободный конец одного из тросов, удерживавших край большого паруса, захлестнулся вокруг растяжки. Да так неудачно, что потянул за собой конец рея. Большой парус снова хлопнул — и развернулся поперек судна. Море, словно ожидало этого. Налетел еще более бешеный порыв ветра — и мачта качнулась, обмакнув нижний край паруса в воду. Снасти заскрипели, будто застонали от боли — а потом затрещали.

Вопли обезумевших моряков, решивших, что на их головы пало наказание злого божества, и спасения нет и быть не может, едва не заглушили эти звуки. Но следом раздался треск, настолько громкий, что никакой человеческий голос не смог бы с ним сравниться.

Мачта надломилась у основания, и во все стороны полетели щепки, одна из которых попала в глаз чернолицему моряку, который еще совсем недавно подшучивал над Конаном. Моряк застыл на месте и истошно заорал, вместо того, чтобы попытаться спасти собственную шкуру. И корабль тем временем дергался, как норовистый конь, который хочет отомстить своему наезднику за годы подневольного труда.

Краем глаза Конан заметил гигантскую волну, лоснящуюся, словно спина исполинского змея — она стремительно приближалась к тонущему судну. Не теряя больше времени, он подхватил бочонок с остатками пресной воды, и спрыгнул с ним в воду, надеясь, что успеет отплыть на безопасное расстояние до того, как корабль разнесет в щепки.

Стихия закружила и завертела его, плеснула соленым в глаза и последнее, что смог разглядеть варвар сквозь влажную пелену, было маленькое судно вдалеке, к которому неумолимо приближался чудовищный морской зверь с плотью из темных волн.

А потом вокруг все померкло, и глаза варвара перестали различать что-то, кроме собственных рук и скользкого бока бочонка.

Он быстро потерял счет времени. Бочонок удерживал его на поверхности, давая

возможность беречь силы. Время от времени он громко кричал, надеясь, что еще кто-нибудь уцелел, кроме него. Но ночь отзывалась только голосами ветра и волн.

К утру тучи рассеялись, взошло солнце, море стало утихать. В предрассветной мгле киммериец увидел, что выжил только он. Все остальные пошли ко дну — духи стихий собрали обильную жатву.

Вода была везде — куда ни кинь взгляд. Лишь изредка вдали мелькали черные лоснящиеся спины морских коров, чьи самки, по словам моряков, вполне могут заменить женщин, а самцы имеют мужское достоинство, неотличимое от человеческого.

Конан решил плыть на север. Где-то там должны находиться острова Жемчуга.

День был тягучим, как смола. Время словно остановилось и не собиралось никуда идти. Солнце наблюдало за киммерийцем, как ленивый вор, лежа в тени, наблюдает за жертвой у которой стоило бы срезать кошелек.

К вечеру Конан заметил, что облака снова собираются в неприятного вида тучи, и закрывают небо. Он приготовился к новой буре, но ночь прошла довольно спокойно и Конану даже удалось слегка вздрогнуть, под равномерное колыхание водной глади. Мало-помалу забрезжил рассвет. И в серых утренних сумерках варвар заметил у края окоема очертания земли.

Горб острова, полускрытый туманом, напоминал тушу кабана, валяющегося в луже. Конан вспомнил о Кабаньем острове, названным так как раз за свою схожесть с лежащим животным. Расстояние до острова было приличное, но Конан умел плыть, экономно расходуя силы.

Утренний туман рассеялся, и Кабаний остров стал виден лучше. Но чем ближе подплывал Конан, тем явственнее понимал, что хотя этот кусок суши и смахивал изгибом на спину вепря, надеяться на то, что это тот самый остров не приходится. Потому что над лесом, похожим на гигантскую кабанью щетину, выступали высокие острые скалы, очертаниями напоминавшие башни. А ничего подобного, насколько варвар помнил, на известном ему Кабаньем острове не имелось.

Через пару лиг, когда Копан смог рассмотреть эти скалы получше, он окончательно уверился в том, что это не игра природы, а творение человеческих рук. Впрочем, были ли эти руки человеческими, варвар до конца уверен не был. Но как бы то ни было: перед ним были постройки, а не скальная грязь. А когда под ногами зашуршало пологое песчаное дно, в этом не оставалось никаких сомнений.

Тот Кабаний остров, который знал киммериец не мог считаться самым милым местом в Хайбории. Попасть сюда считалось если не худшим из зол, то, по крайней мере, большой неприятностью. Остров находился в стороне от главных морских путей, и здесь можно было прожить пятьдесят зим, не увидав паруса.

Именно поэтому они привезли сюда Шивадана, предателя, который намеревался сдать их разбойничью ватагу аколитам владыки Болея, давно мечтавшему заслужить щедрую награду торговцев и заодно прослыть в веках народным избавителем.

Но Шивадан скверно обучил своего ручного ринха, который неожиданно для своего хозяина, не найдя суши, прилетел обратно на корабль, так что капитан Гураб смог прочитать свиток, обмотанный вокруг его четвертой лапки.

Убивать Шивадана не стали, потому что капитан рассудил, что смерть слишком легкая кара за предательство И будет гораздо справедливее, если их заблудший товарищ сдохнет от голода, жажды и укусов ядовитых сколопендр Хотха на Кабаньем острове, затерянном среди южных вод.

Конан брел по мелководью к берегу и настороженно взглядался в приближающийся лес.

Если на острове были люди, то им могло не слишком понравиться его внезапное появление.

Погрузившись в размышления Конан чуть было не наступил на бурую тварь покрытую ядовитыми иглами, которая зарылась во влажный песок. Лишь в последнее мгновение он успел отдернуть ногу.

Он чуточку сожалел, что пришлось бросить бочонок, спасший ему жизнь. Но вода в нем закончилась и тащить его на берег было бы глупо.

Сильно пахло гнилыми водорослями. Мертвые моллюски и медузы подсыхали на песке. Людей не было видно, лишь птицы перелетали с ветки на ветку, оглашая лес звонкими трелями. Солнце поднялось высоко и стало припекать. Жажда сделалась невыносимой.

Шатаясь, Конан добрел до леса и оказался под спасительной сенью. Отыскав звериную тропу, он двинулся по ней вглубь острова, зная что она приведет его к пресной воде.

Лес ничем не отличался от других лесов на островах Вендийского моря. Все те же огромные зубчатые листья, вездесущие лианы, яркие цветы, масса гниющих поваленных стволов, звонкое жужжение насекомых, и гомон птиц в вышине.

На всякий случай, Конан подобрал суковатую палку, достаточно тяжелую и прочную, чтобы

при случае раскроить кому-то череп. Хотя на островах и не водилось крупных хищников, а опасаться следовало только ядовитых гадов, терять осторожность не пристало.

Далеко идти не пришлось. Конан почуял запах воды, а вскоре и увидел ее. Ручей разливался, огибая большой замшелый камень. Вода была прозрачной — и в ней словно застыли несколько рыбешек пестрой окраски.

Конан протянул руку, чтобы засечь воду — и обомлел. На дне сверкала половина серебряной монеты. И северянин хорошо знал, где находится оставшаяся часть: у капитана Гураба! Тот всегда оставлял распиленную пополам монету в жертву Нергалу, надеясь, что это зачтется, когда его бесплотный дух попадет на Серые Равнины.

По всему выходило — это все-таки Кабаний остров!

А это значит, что место последних мучений Шивадана должно быть где-то здесь, неподалеку от ручья. Конан вдоволь напился, наполнил кожаную баклажку у пояса, с которой никогда не расставался, и отправился на поиски останков несчастного. Там должно было сохраниться кое-что, в чем сейчас он очень сильно нуждался.

Узнавая ориентиры, он скоро вышел на поляну с расщепленным деревом.

Шивадан был здесь. Точнее то, что от него осталось. Умер он, так, как и предсказывал Гураб. Ядовитые сколопенды Хотха выели его изнутри..

Лохмотья дхоти на скелете Шивадана полностью выщели. И это было не удивительно — предателя вымачивали три дня в вязком соке дерева сихора, чтобы тело его стало сладким и привлекло летающий гнус. Потом, уже на острове, привязав к дереву, предателю разжали зубы его же кинжалом и влили в глотку остатки сока, чтобы доставить удовольствие и сколопендрам. А для того, чтобы несчастный ненароком не сомкнул челюсти, ему в рот забили полую трубку из сухой кхитайской травы, так что членистоногим любителям сладкого путь был открыт. Замысел Гураба удался на славу — предателя выели изнутри и, Кром свидетель, — смерть его не была легкой.

Конан осторожно пошарил палкой в густой траве, а когда на земле что-то блеснуло — нагнулся и поднял. Слава Солнцеликому, тот кинжал, что послужил оружием возмездия, уцелел и почти не покрылся ржавчиной. Недаром говорят, что секрет ханасульской стали людям открыл сам Индра. Киммериец отыскал подходящий камень и стал приводить клинок в порядок. С кинжалом на поясе он сразу почувствовал себя уверенней и был готов ко всему, что уготовили ему лукавые боги.

Варвары не мстят мертвым. Поэтому Конан похоронил останки Шивадана, и попросил Нергала отнестись снисходительно к его мелкой душонке. Забросав могилу ветками киммериец пожал плечами и направился в сторону башен. Раз так получалось, что это — Кабаний остров, значит, башни появились в последнее время. А Конан что-то не мог припомнить случаев, чтобы такие строения возникали только благодаря человеческому трудолюбию всего за каких-нибудь пару лун. Значит дело не обошлось без магии. Что не предвещало ничего хорошего.

Впрочем, выбирать не приходилось.

Лес неожиданно кончился, а перед Конаном оказалась высокая стена, которая насколько хватало глаз уходила в стороны. Конан поднял бровь. Камни кладки были покрыты мхом, на кромке росли мелкие кустики, в небольших трещинах курчавились лианы. Стена выглядела так, будтоостояла не меньше десятка сотен зим.

Конан направился вдоль стены. Вокруг не было ни души, но напрягая слух можно было различить отголоски музыки и звуки человеческой речи, доносящиеся из-за каменной кладки.

Варвар поднял голову вверх. В приличных местах на таких стенах несут дозор стражники. Но тут никого не было, только ветер колыхал ветки кустов наверху.

Конану необходимо было попасть внутрь. Там должна быть вода и пища. Кроме того тот, кто сумел в короткие сроки возвести такую цитадель, обязан был знать и парочку способов как убраться с этого негостеприимного острова. Поэтому киммерийцу не оставалось ничего иного, как перелезть через стену.

Подниматься было нетрудно. Время или колдовство не пощадило строение, в каменной кладке было много выбоин и трещин. Теперь она мало чем отличалась от обычного утеса, а лазать по скалам для Конана было привычным занятием.

Замерев у верхней кромки, Конан прислушался. Вдалеке по-прежнему слышались звуки города, но вокруг было тихо. Он сделал последнее усилие и, одним рывком преодолев оставшееся расстояние, распластался на стене.

Огляделся.

Никого.

Похоже эти горожане были на редкость беспечны и совершенно не опасались вторжения.

Конан начал внимательно изучать раскрывшийся перед ним вид. Из-за стены не было заметно, что город располагался на высоком холме. Уложки представляли собой лестницы с длинными ступенями, поднимавшиеся к центру, где надо всем нависали две черные мрачные башни без окон. Большинство строений было выкрашено в яркие цвета, на некоторых стенах домов виднелись геометрические узоры. Дома, как и улицы, поднимались ярусами. Крыши были плоскими, и на многих разбиты сады.

В одном из таких садов Конан заметил обнаженную женщину со смуглой кожей и множеством длинных черных косичек. Женщина стояла в небольшой лохани, а мальчишка-слуга в набедренной повязке тянулся вверх изо всех сил, привстав на цыпочки, чтобы полить из ковша на грудь хозяйке. Женщина заметила Конана, надменно улыбнулась, и повернулась к нему спиной.

Да, похоже они действительно не опасались врагов! Даже женщина и та не испугалась незнакомца! Более того: ее нисколько не удивило присутствие чужого человека на крепостной стене.

Странно.

И если прекрасная незнакомка продолжала как ни в чем не бывало совершать омовение, то мальчишка-слуга потерял толику былой расторопности и с не мог отвести глаза от Конана. В конце концов, его хозяйка не выдержала, вырвала у него ковш и как следует стукнула ротозея по голове.

Конан поднялся на ноги и подошел к внутреннему краю крепостной стены. Неподалеку он заметил каменную лестницу, спускавшуюся в город. Ступени были выщерблены и частично обвалились, но при некоторой ловкости можно было рискнуть и спуститься.

Едва он преодолел пару пролетов, как тут же появились зрители: стайка грязных и оборванных мальчишек., каких полно в любом городе Хайбории. Они начали свистеть, улюлюкать, кривляться и дразнить варвара.

Не обращая на мальчишек внимания, Конан наконец спустился и направился вверх по уличке. Он справедливо рассудил, что в центре города скорее сумеет найти место, где можно подкрепиться и отдохнуть. Хотя, для начала не мешало бы раздобыть немного деньжат: вряд ли, несмотря на всю свою беспечность, местные жители захотят даром предоставить незнакомцу то, в чем он так нуждается.

Знакомый запах привлек внимание Конана. Это был запах хорошей выпивки и жареного мяса. Он доносился от открытой двери неказистого домишко, к двери которого вели несколько покосившихся ступенек.

Конан рассудил, что не будет ничего дурного в том, если он зайдет и посмотрит что там происходит. Когда дверь не затворена, это означает — хозяева не прочь увидеть у себя гостей.

Едва он появился на пороге, как шум стих и на него уставилась добрая сотня глаз. Конан ухмыльнулся. Здесь было все то, что он так любил: жарящийся на вертеле ягненок, свежие фрукты, вареные овощи, и кувшины доброго вина. Все выглядело вполне сочным и аппетитным. Особенно для человека, который пережил кораблекрушение и почти два дня питался только водой из бочонка.

У дальней степы, под узким окошком, из которого падал тусклый свет, пристроились трое музыкантов среди которых была одна женщина.

Впрочем, она не слишком отличалась от остальных. Те же спутанные волосы, тот же потупленный взгляд и наклон головы. Она так же извлекала заунывные звуки из своего знавшего лучшие времена инструмента. Смертельная усталость чувствовалась не только в мелодии, но и в облике музыкантов. Они еле шевелили пальцами и даже не считали нужным отгонять огромных черных мух, которые беспрепятственно ползали по их лицам, словно играющие были уже мертвецами.

Глаза посетителей были направлены на Конана, но на него смотрели отнюдь не все. Опытный взгляд киммерийца мгновенно зафиксировал молодого человека, который не сводил глаз с кошелька дородного бородатого мужчины, прислонившегося к стене и пьющего из огромной кожаной кружки. Конан понял, что сейчас должно произойти и не ошибся. Юноша пододвинул поближе и легким движением крохотного ножика срезал кошелек с пояса бородача.

Юноша был худ, скуластое лицо с длинным тонким носом выдавало его дальнее родство со стигийцами. Он быстро поймал взгляд варвара.

Стало понятно, что он не собирается расставаться со своей добычей только потому, что кому-то кажется, что он не имеет на нее законного права. Юноша отделился от стены и небрежной походкой двинулся к выходу.

— А ну, стой, — рявкнул Конан и, схватив вора за плечо, развернул его к себе. В раскосых черных глазах стигийца было изумление. Впрочем, в другое время и в другом месте, эти двое могли бы найти общий язык. Но не сейчас.

Словно, чтобы подтвердить этот вывод, вор стремительным движением выхватил из складок плаща нож, раза в три больше, чем тот, которым он срезал кошелек.

— Попробуй, возьми меня! — воскликнул он ломающимся, словно у подростка, голосом. Это настолько не вязалось с его обликом, что Конан на мгновение замешкался и едва не пропустил удар. Только в последний момент он сумел отклониться, и лезвие лишь слегка царапнуло варвара по животу.

Юноша рассмеялся. Смех его был подобен лаю гиены.

— Тебя, варвар, оказывается будет легко убить!

Это были лишние слова и Конан крепко схватил чересчур уверенного в себе бедолагу и швырнул его наземь. Причем постарался, чтобы встреча с полом была как можно более чувствительной. Вор вдруг с недоумением обнаружил перед своим лицом вместо живого

противника твердую и холодную поверхность, по которой медленно растекалась лужа его собственной крови. Он схватился за разбитый нос и попытался встать, но это. оказалось невозможным. Его будто придавил огромный камень.

— Ну, — раздался голос варвара, — а что ты скажешь теперь?

— Отпусти, я не могу дышать.

— Отпустить — это вряд ли, а вот дышать — пожалуй можно. Иначе палачу будет скучно возиться с мертвецом, — усмехнулся Конан, слезая со спины своего противника.

Тот поднял голову и пристально посмотрел на варвара.

— Ты — не он, — загадочно произнес воришко. — Тебя не было. Меня должен был поймать не ты, а тот, кто сейчас войдет. Войдет, когда я буду выходить.

— По-моему, тебе совсем худо, — задумчиво произнес Конан, — если ты начал нести такой вздор. Но ничего, думаю, здешние законы похожи на законы материка. Не зря же вы все изрядно смахиваете на вендишцев. Значит, за воровство тебя ожидает смерть. И не слишком быстрая.

Бородатый мужчина, пьющий у стены пиво и лишенный кошелька, до сих пор не понимал, что происходит. Он воловыми глазами глядел на Конана и воришку, и в этих глазах светилась пустота. Так смотрит на мир рыба, вытащенная на сушу.

Конан пошарил за пазухой вора и выудил на свет украденный кошелек.

— Я поймал вора! — громко, чтобы всем было слышно, объявил он. — а ты, приятель, держи свой кошелек! — добавил он, обращаясь к бородачу.

Бородач сделал очередной глоток и равнодушно ответил:

— Мой кошелек у меня.

— Проверь, — посоветовал Конан.

— Зачем мне проверять. Я и так знаю.

— Бывает, что знание оказывается ложным. А проверить лишний раз никогда не помешает.

Бородач протянул руку к поясу и обнаружив, что там пусто — громко завопил.

Конан помотал кошельком над поверженным вором и швырнул его хозяину. Тот неловко его поймал и опять застыл в прежней позе. Похоже, благодарность здесь была не в чести.

Воришко пошевелился и указал пальцем на вход:

— Меня должен был поймать он...

Придерживая вора одной рукой⁷ Конан оглянулся. В дверном проеме стоял толстяк. Лицо его скрывалось в тени. Зато можно было разглядеть дорогую одежду, зачем-то прикрытую лохмотьями нищенского плаща.

— Что вы все так уставились на меня? — осведомился толстяк.

— Он говорит, что ты должен был поймать его, — объяснил Конан. — Хотя мне кажется, что он помешался от страха. Ты знаешь его?

— Впервые вижу, — отмахнулся толстяк. — Эй, хозяин, выпивку и жратву мне! Живо!

— Несу, — послышался сиплый голос.

Конан оглянулся и увидел человека в кожаном фартуке, с голым волосатым торсом, который по внешнему виду и телосложению мог бы легко посоперничать с диким вепрем.

— Выпивки, — повторил толстяк. — И еды. Да поживее, Нергал тебя задери!

Кабаноподобный кивнул и скрылся за дверью, прикрытой занавесью из полой кхитайской травы.

Через некоторое время он вернулся, неся в одной руке оловянную кружку, наполненную так, что содержимое расплескивалось при ходьбе, а в другой — жареную фазанью ногу.

— Это тебе, — сказал он, протягивая руки к странному посетителю.

— Сожри меня морской змей! — воскликнул толстяк, принимая еду и выпивку. Потом шумно и надолго приложился к кружке. Закусив огромным куском фазаньей ноги, он пришел в

доброе расположение духа, и обратил, наконец, внимание на нелепую пару на полу.

— Я поймал вора! — сказал Конан. — Он украл кошелек вон у того здоровяка у стены.

— Я плотник, — уточнил зачем-то бородач.

— Украл кошелек у плотника, — согласился Конан.

— Так что же мы стоим! — загрохотал вдруг толстяк. — Я убил двенадцать химер, двух морских змеев и одного кракена, и я не боюсь нечего! Эй, музыканты, играйте громче! Играйте песни моря! Так чтобы были в них слышны волны бездны, ветер и тучи!

Конан перевел взгляд на безумца и чуть ослабил хватку. Этим воспользовался стигиец, сумев выскользнуть из-под Конана, и рванул к двери.

Но на этом его везение закончилось. Потому что толстяк сделал резкое движение и вор затрепыхался в его железных лапах.

Юноша болтал ногами, как будто бежал, все еще не понимая, что вновь попался. Безумный любитель бурь крепко держал его за шкирку, не забывая при этом обгладывать фазанью ногу.

— Мы поведем тебя к судье, — ласково сказал толстяк, приблизив лицо к вору. — И после суда тебя... — И он красноречиво провел объедком возле шеи.

— Эй, все кто чтит власть царя Нилама! Я призываю вас к справедливости! Мы должны отвести вора в суд. Виновный должен быть наказан!

Он отхлебнул из кружки, затем посмотрел на Конана и добавил:

— Иди и ты, чужеземец!

Вместо борьбы за справедливость, Конан сейчас бы предпочел парочку окороков и пяток кружек доброго вина. Но отказаться было нельзя.

— А может он голоден? — неожиданно раздался женский голос, и Конан с удивлением увидел огромную женщину в грубой мужской одежде. — Попей маминого молочка! — Женщина подняла рубаху и высвободила чудовищных размеров грудь, больше напоминающую коровье вымя, с той только разницей, что соска было всего два.

Люди в таверне расхохотались. Так громко и заразительно, что даже музыканты, наконец, прекратили свою заунывную игру.

— Спасибо, дорогуша! Но с тех пор, как я вырос, я предпочитаю вино, — ответил Конан.

Хохот достиг чудовищной силы. По столам застучали кружки и кулаки.

— В суд! В суд! — закричали со всех сторон, и толпа направилась к выходу.

Судья Ахупам развалился в огромном резном кресле с высокой спинкой, в окружении стоящих советников и слуг. Он был благостен и находился в состоянии солнливой мечтательности. Советникам приходилось хуже. Они были вынуждены стоять и томиться на солнцепеке. Советники с завистью смотрели на судью и исподтишка толкали друг друга, стараясь занять местечко поближе к нему. И дело было не столько в почтительности к благонравному Ахупаму, сколько в опахале из перьев оликса, которое держал над судьей высокий и жилистый раб.

Перед Ахупамом на низком столике, с изогнутыми ножками в виде бодейских змей, стояли разные яства: шербет, сладкие сливы, орехи разных сортов, мелкие китайские груши, виноград с пятнистыми ягодами, напоминавшими перепелиные яйца.

Ахупам пошевелил пальцами — и юный слуга с лицом девочки и округлыми бедрами оторвал от кисти виноградину и поднес ее ко рту господина. Судья причмокнул и лениво приоткрыл глаза. Но на этот раз сполна насладиться вкусом винограда ему не удалось, ибо он увидел то, что весьма его раздосадовало. К нему приближалась разношерстная толпа, состоящая из ремесленников, торговцев, слуг, и одного огромного варвара.

— Кто ты? — спросил судья, когда варвар приблизился. — И что это за люди с тобой?

Конан ответил не сразу, ибо был поражен даже больше уважаемого судьи, который сильно напоминал Дханпата. И если бы варвар не был уверен, что его бывший хозяин, вместе со своими юными наложницами, сейчас кормит рыб, то вполне мог бы подумать, что тот милостью богов перенесся на остров и заделался городским судьей.

— Я поймал вора. А эти люди пришли, чтобы подтвердить его вину. Мы требуем справедливого суда, ибо воровство должно быть наказано, а добродетель — поощрена.

— Ты выглядишь, как грубый варвар, — сказал судья. — Но изъясняешься, как цивилизованный человек. Сколько же времени понадобилось твоему хозяину, чтобы научить тебя говорить?

Конан сжал кулаки, но тут вперед выступил любитель фазанов, моря и бурь.

— Да, он — варвар! Но этот варвар поступил благородно — поймал вора! Это случилось в одном из достойнейших наших домов, где добрые люди обычно отдыхают! Но разве могли бы мы впредь отдыхать спокойно, если бы узнали, что у одного из посетителей украли кошелек?

— Я знаю тебя, достойный господин Нубар и твое мнение значит немало, — прищурился судья. — Но для начала мне нужно знать, кто пострадавший.

— Мы все пострадали! — с жаром заявил Нубар.

— Но ведь не мог же вор украсть все ваши кошельки одновременно? — усмехнулся Ахупам. — Для этого у него должно было бы быть гораздо больше рук. А я вижу только пару.

— Он украл один кошелек, — сказал Нубар. — Но это все равно, как если бы он украл.

Он опозорил уважаемое заведение!

— Я знаю, о каком уважаемом заведении говоришь ты, Нубар, — сообщил судья. — И это прискорбно, что такой невзрачный тип, чье лицо отягощено всеми мыслимыми пороками, позарился на отраду страждущих и вопиющих. Но все-таки кто же пострадавший?

Нубар обернулся и показал на флегматичного плотника.

— Я — плотник, — представился бородач.

— Это сейчас неважно. А скажи-ка нам, плотник, у тебя действительно украли кошелек, и вот этот варвар вернул его тебе?

— Да, судья Ахупам.

— А где сейчас этот кошелек?

— У меня на поясе, судья Ахупам.

— Кто еще может подтвердить слова Нубара и плотника? — судья привстал. — Кто видел, как вор украл кошелек у плотника? А потом этот варвар поймал вора с кошельком, и вернул украденное владельцу?

— Я могу подтвердить, — сказала дородная женщина в мужской одежде. — Я видела. — Она с глупой ухмылкой подмигнула Конану, и вытянула губы.

— Датарфа, я давно знаю тебя. И помню, что ты не способна лгать, поскольку разум твой подобен разуму ребенка. — Ахупам снова опустился на кресло. — Что ж! Я убедился, что тот, на кого вы все указываете, виноват. Хорошо, будь по вашему, — сказал он и щелкнул пальцами. — Стража, ведите злодея сюда!

Стражники с длинными палками подхватили вора, подволокли к судье и заставили опуститься на колени.

— Признаешь ли ты свою вину?

— Нет! — отрезал вор с лицом суровым, как у отца, который застал невинную дочь с любовником.

Брови Ахупама приподнялись.

— Значит, несмотря на то что было здесь сказано, несмотря на свидетельства уважаемых горожан славного Терена, ты, несчастный, все еще отрицаешь свою вину? В своем ли ты уме, или Нергал лишил тебя рассудка? Ты знаешь, где находишься?

— Вполне. Я нахожусь в грязнейшем и отвратительнейшем из городов Хайбории, который населяют трусы, шлюхи, чревоугодники и лгуны. Я весь, с головы до ног, запачкан вашими грязными подозрениями! Вы отравили меня ядом своих уст, ядом смертельнее, чем у самой злобной из вендиjsких змей!

Ахупам покачал головой.

— Ты складно говоришь, но тебе это не поможет. Ты виновен, а значит — понесешь наказание. Но за эту луну ты третий, кого я приговариваю к смерти, а значит, по нашим мудрым законам, ты имеешь право выбрать себе способ казни. Как ты хочешь умереть?

— Я бы хотел умереть от старости, — заявил стигиец.

Ахупам рассмеялся.

— Браво, юноша! — сказал он. — Ты не потерял способность к веселью даже перед лицом смерти! Ты отважный человек, раз щутишь, вместо того, чтобы дрожать от страха. За это я исполню твоё желание. Я могу оценить добрую шутку и докажу это тебе. И ты сполна это оценишь, когда узришь палача.

Ахупам снова рассмеялся. Вор захотел сказать что-то еще, но быстро получил по губам палкой.

— С тобой все решено, но надо и другим воздать по заслугам, — произнес судья и сложил руки на животе. — Мой приговор будет справедливым! Подойди сюда, плотник. И вручи мне твой кошелек, дабы я мог пересчитать монеты, находящиеся в нем.

Плотнику явно не хотелось снова расставаться со своим добром, но он пересилил себя и поплелся к судье, протягивая тому кошелек. Судья развязал его, высипал монеты, пересчитал их и разделил на три равные кучки. Плотник с ужасом наблюдал за его манипуляциями.

— Нашедший утерянное имущество имеет право на треть этого имущества, а поскольку кошелек был потерян тобой по глупости, а чужеземец, нашедший его, проявил смелость и доблесть, ему полагается дополнительное вознаграждение в одну треть. Таким образом, тебе остается треть твоих денег, и ты должен быть благодарен мне за мудрое решение.

У бородача отвисла челюсть, когда он услышал слова судьи. Про первую треть он знал, а вот вторая совсем не казалась ему справедливой. Но спорить было бесполезно, поэтому он угрюмо кивнул.

Ахупам взял одну горстку монет и, ссыпав ее в кошелек плотника, завязал его.

— Возьми то, что принадлежит тебе по праву.

Рука бородача дрожала, когда он забирал кошелек, но он сумел скрыть досаду.

Ахупам подозвал Конана.

— Как тебя зовут, варвар? — спросил Ахупам.

— Конан, но иногда меня называют и другими именами. Например, Амра, что значит Лев, — ответил Конан.

— Подойди, Амра. Я хочу воздать тебе по заслугам.

Ахупам поманил к себе одного из советников, прошептал ему что-то на ухо, и советник быстро удалился. Вернулся он еще быстрее. В руке у него был пустой кошелек, который он передал судье. Тот насыпал в него монеты и протянул Конану.

— Возьми, это твое, — произнес он.

Конан не стал возражать.

Затем судья обратился к все еще стоящему на коленях стигийцу.

— А тебе пора! — грозным голосом заявил он. — Раз ты хочешь умереть от старости, ты умрешь от нее! Готовьте плаху!

Стигиец снова получил удар палкой: просто так, на всякий случай. От такого предупреждения из рассеченной губы брызнула кровь, а стражники рывком подняли его на ноги, и погнали к выходу. Толпа загудела в предвкушении зрелища.

В воротах суда вор обернулся и посмотрел на Конана и усмехнулся. Словно он знал нечто, чего не знали другие.

Конан тоже направился к выходу.

Вслед киммерийцу раздался голос Ахупама.

— Надеюсь, мы скоро встретимся, Конан, Лев Из Иных Земель, — сказал он.

Кошелек приятно постукивал по бедру варвара при ходьбе и Конан воспрянул духом. Привлеченный аппетитным запахом, прилетевшим издалека, Конан отстал от толпы и свернул на кривую узкую улочку. Никто не обратил на это внимания.

Длинные ступени улочки вели вниз и Конану показалось, что он уже видел ее с городской стены. По мере того, как Конан спускался, притягательный аромат усиливался. Меж крыш киммериец заметил пустое пространство, а потом услышал доносящийся оттуда гомон. Заглянув за угол, он понял, что нашел источник запаха.

На маленькой площади находился рынок, на котором торговали съестным: битой птицей, рыбой, плодами, мясом и хлебом. Здесь же на раскаленных камнях готовили простые кушанья, которые полагалось есть, завернув в тонкую лепешку. Что и делали с явным удовольствием покупатели в разноцветной одежде. Они чавкали, обливаясь жиром и маслом, и роняли на землю куски, которые тут же подбирали снующие повсюду шакалы.

Блуждающий в нетерпеливом возбуждении голодный взгляд Конана остановился на аппетитном куске мясе, который шкворчал на медной решетке. Остановился не только из-за восхитительного вида пищи, но и из-за внешности торговки, стоявшей рядом.

Она как две капли воды была похожа на Датарфу, только, пожалуй, имела более внушительные формы.

— Ну что, красавчик, хочешь отведать этой прелести?

И торговка сделала жест, будто предлагала ему не еду, а себя.

На самом деле Конана волновала не она, а тот замечательный кусок, от которого исходили сводящие с ума запахи. И Конан, не сдержавшись, потянулся к нему.

Хозяйка мгновенно сменила милость на гнев, и шлепнула киммерийца по руке.

— А ну прочь! Думаешь, раз я болтаю с тобой, так тебе можно воровать?

— Не бойся, женщина, я заплачу, — сказал Конан, развязывая кошелек. Краем глаза, он заметил, что этим заинтересовались мальчишки, которые не отставали от него с тех пор, как он ступил на базарную площадь.

На свет появился небольшой тусклый кругляш. Хозяйка мельком взглянула на нее и расхохоталась, упирая руки в бедра.

— Ты думаешь, я не знаю, как выглядят деньги? — ехидно спросила она, приблизив лицо к лицу Конана, и почему-то перешла на громкий шепот. — Засунь свою кругляшку обратно и никому не показывай, а то сочтут за мошенника и позовут стражу!

Мальчишки заулююкали. Некоторые из них принялись шарить по земле в поисках объедков и мусора, чтобы издалека запустить в чужеземца и всласть посмеяться над тем, как он будет потрясать кулаками и призывать богов.

Конан помрачнел. Он не терпел когда его обманывали. Только вот кто? Торговка, собирающаяся выманить у него монету побольше, или кто-то из тех, у кого кошелек побывал раньше?

Конан вспомнил усмехающееся лицо вора, когда его повели на казнь. Но почему судья, пересчитывая монеты, ничего не заметил? Разве что этот благородный господин никогда не видел денег. Что, впрочем не было исключено, учитывая количество толпящихся вокруг судьи слуг и рабов. Ахупаму не было нужды пачкать пальцы о презренный металл — для этого у него было достаточно клевретов.

— А может ты и впрямь мошенник? — не унималась торговка, так и не дождавшись ответа

от варвара. Конан молчал и тучная ведьма вдруг истошно завопила:

— Эй, люди! Он покусился на мое мясо!

Конан сделал шаг назад, но толстуха с остерьенением вцепилась в край набедренной повязки и потянула, будто собиралась его раздеть. Женщина весила чересчур много, и хватка у нее была соответствующая, но Конан рванул повязку обратно и ткань, не выдержав, разорвалась. Варвар потерял равновесие и, споткнувшись о некстати подвернувшегося шакала, со всего размаха рухнул на землю, подняв тучу красноватой пыли.

Сразу раздался смех мальчишек — и в голову киммерийца полетела подгнившая слива. Следом за ней — другие. Но торговка грозно прикрикнула на сорванцов и они прыснули по сторонам.

Едва Конан поднялся, как его обступили люди, которые стали разглядывать варвара: кто с презрением, кто с ненавистью, а большинство с равнодушием..

— Кром, чем я провинился перед вами? — насупился Конан.

— Ты пытался нас надуть, а мы этого очень не любим, — сообщил косоглазый мужчина с лепешкой в руке.

— К тому же, ты строил мне глазки, пытаясь соблазнить, делал грязные намеки, да еще силился лапать мои прелести своими грязными ручищами! — подбоченилась торговка.

— Этого я не делал! — не выдержал Конан.

— Значит, остальную свою вину ты признаешь? — невнятно осведомился косоглазый, вновь принявшийся жевать лепешку.

— Не признаю я никакой вины! — заявил Конан. Рука его потянулась к кинжалу.

— Значит ты обвиняешь нас во лжи? Ты хочешь сказать, что мы глупы, слепы и у нас нет совести? — спросил мужчина. При этом кусочек лепешки вывалился у него изо рта, и на него с чавканьем набросился тот самый шакал, о которого споткнулся Конан.

— Мы отведем тебя к нашему судье, — произнес мужчина. — Он мудр и справедлив, он сумеет рассудить нас. И я думаю, ты получишь по заслугам. Ты виноват. Ты пришел в наш город и пытаешься установить тут свои варварские порядки.

— Я не пытаюсь устанавливать никакие порядки, я просто хочу есть, — ответил Конан. — Мой корабль потерпел крушение, я провел в море два дня. Я смертельно устал и очень хочу есть!

Толпа угрожающе зароптала. И придинулась ближе.

Конан пожал плечами.

— Не махать же кинжалом из-за какого-то куска мяса! Тем более, что у судьи я уже был. Почему бы не навестить его еще раз.

Он решительно толкнул бледного человека, с пустыми глазами, некстати заступившего ему дорогу и направился по улочке вверх. Толпа поспешила за ним. Торговка опять ухватила его за набедренную повязку.

Конан обернулся.

— Послушай, красавица, — сказал он. — Я не выношу, когда меня принуждают. Не давай воли рукам!

Торговка опустила глаза и разжала пальцы.

Толпа во главе с Конаном дошла до конца улочки. Завернув за угол, они встретились с другой толпой, поменьше. Она состояла в основном из юношей, едва вышедших из детского возраста, но была слегка разбавлена несколькими столь же юными девами. Все, кроме женщины шедшей впереди, были одеты подчеркнуто просто. Но их предводительница с лихвой восполняла скромность остальных. На ней была одежда из разноцветного шелка, затейливо связанный пояс украшен сверкающей вышивкой цветов и птиц. Длинные волосы были заплетены тонкими косичками с серебряными шнурями, на шее висело ожерелье из крупных жемчужин идеально

круглой формы.

Конан узнал ее. Это была та самая красавица, которую он лицезрел купающейся, когда лежал на городской стене.

— Ах, его уже схватили! — взвизнула дама, тыча в киммерийца пальцем. — Я так и знала, что мною он не ограничится!

Она подскочила к Конану и плюнула ему в лицо. Потом обернулась к недоумевающей торговке, и громко заявила:

— Он пытался учинить надо мной насилие!

Зато торговка, лицо которой от злобы вдруг преобразилось до такой степени, что перестало казаться круглым, процедила сквозь зубы:

— Ты ошибаешься, милочка. Вряд ли этот несчастный позарился бы на тебя! Ты скудна телом, как вяленая на солнце рыба! Посмотри на свои кости, кому ты нужна?

Дева с жемчужным ожерельем сжала кулаки.

— Конечно! — с тонкой улыбкой сказала она. — Куда мне до тебя. Ты же уверена, что тело покрытое слоями жира — привлекательно? Тогда самой желанной должна быть телица, которую специально откормили для жертвоприношения. Из тебя, из тебя может получиться отличное сало... Чтобы делать свечи для воскуривания темной Кали!

Круглая торговка развела руки в стороны, набрала в грудь побольше воздуха, и истошно заорала:

— Да об тебя можно пораниться! Из тебя во все стороны торчат кости, как иглы у мартихоры. Бедняжка, как же тебе, наверное, трудно уговорить настоящего мужчину лечь с собой в постель!

— Зато на тебе мужчина почувствует себя моряком! Его укачет и вывернет наизнанку!

Женщины уставились друг на друга с испепеляющей ненавистью.

— Вот уж не скажи! — возразила торговка. — Никого еще не укачало. Ни один даже не заснул. Потому что мои прелести не оставляют мужчину равнодушным. А вот тебе, бедняжке, такого ни разу не довелось испытать. Недаром ты держишь столько рабов. Ты просто не способна соблазнить свободного мужчину.

— Мои рабы — это мои рабы! — взвизнула девица с косичками. — И не тебе о них судить. И не смотри на них так сладострастно. От твоего похотливого взгляда, у моих слуг могут начаться колики!

Торговка сделала к ней шаг, и женщина поспешила укрыться за двумя слугами, которые с испугом взирали на крупную женщину.

— Мы идем к судье, — сказал косоглазый мужчина, беря торговку за локоть. — И я уверен, что наш мудрый Ахупам все устроит наилучшим образом. Этот чужеземец осквернил наши обычаи. Он пытался расплатиться фальшивыми деньгами. Кроме того, он позарился на невинность наших женщин.

При слове «невинность» торговка громко фыркнула и выразительно посмотрела в сторону своей обидчицы.

— Этот чужеземец хотел надругаться надо мной! — топнула ногой дева с косичками. — Рабы, вы подтверждаете мои слова?

— Да, госпожа! — потупили взор юноши и девушки.

— Как бы то ни было, — сказала торговка, — а варвар заплатит сполна!.. Но и ты ответишь за свою ложь тоже! Хотела бы я посмотреть, как ты будешь орать, когда тебя будут наказывать палками!

Казалось, судья Ахупам ничуть не удивился, когда Конан появился вновь. На этот раз в сопровождении еще большей толпы и не менее пестрой.

— Снова ты! — причмокнул губами Ахупам. — Кого ты поймал на этот раз?

— На этот раз поймали его! — заявила торговка.

— Он хотел надругаться надо мной! — добавила женщина с косичками. — Его нужно оскопить и бросить в море.

Судья пожевал губами.

— Подданные царя Нилама находятся под защитой справедливого закона. Ты, варвар, колокол назад совершил благородный поступок, но теперь ты поступил дурно и будешь наказан.

От щелкнул пальцами, делая знак стражникам.

Воины, вооруженные палками, подскочили к Конану и попытались заставить его опуститься на колени, но киммериец вырвал палку одного из них, пнул ею в живот другого, а потом сломал об колено. Это мгновенно прояснило умы нападавших.

— Я требую справедливости! — заявил Конан, отбросив в сторону обломки.

— И ты получишь ее, страждущий! — уверенно сказал судья. — Только надо сначала разобраться, кто пострадал, в чем, и от кого. Это вопросы, требующие однозначного ответа, и никто не вправе посягнуть на саму суть правосудия, которая заключается в том, чтобы отличить правду от лжи. Женщина, поведай нам, что стряслось? — спросил судья, обратившись к торговке.

Она тяжко вздохнула.

— Он хотел расплатиться со мной ненастоящими монетами, господин судья. Он посягал на мою честь, и хотел осквернить мою невинную плоть грязными прикосновениями!

Брови Ахупама приподнялись.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил он.

— Меропа. Меня все знают на рынке. Я никогда не лгу! — ответила торговка.

— Я верю тебе, Меропа. Ты очень похожа на ту женщину, которую я наблюдал чуть раньше. Это сходство говорит мне, что и твой разум столь ничтожен, что ты просто не умеешь лгать. Значит, ты сможешь ответить мне правду без промедления. Скажи, как именно обвиняемый хотел осквернить твою невинную плоть?

— Он собирался прикоснуться ко мне! — с искренним возмущением воскликнула Меропа.

— Ты вся такая округлая и прекрасная, что трудно выбрать в тебе что-то одно. Тебя хочется сразу всю, красавица! Но скажи мне, не стесняйся, какое именно место хотел потрогать чужеземец?

Меропа опустила глаза, и ее лицо, и прежде румяное, сделалось багровым, как заходящее солнце.

— Я не могу ответить, господин судья, — смущенно произнесла она, принявшие водить по земле толстой ножкой, облаченной в грубую кожаную сандалию.

— Она лжет! — вдруг не выдержала дама с косичками.

— Я никогда не лгу! — взвизгнула Меропа. — Господин судья, прикажите высечь эту высокочку. Посмотрите на ее порочное лицо! У нее совсем нет совести!

— Зато у тебя этой совести столько, что ей можно накормить всех шакалов в городе. Совесть из тебя со всех сторон выпирает. Ее так много, что ты можешь в любой момент лопнуть!

— Сама не лопни от злости, уродина! — возразила Меропа.

С улицы вдруг раздались ритмичные звуки и выкрики.

— Стража царя! — вскрикнул судья Ахупам и встал с кресла. Росту в нем было меньше, чем казалось, когда он сидел.

С ритмичными выкриками ворота суда вошли солдаты и построились. Их облачение могло бы вызвать зависть многих владык Хайбории: темные одеяния, кожаные нагрудники, бронзовые птичьи маски, и остроконечные шлемы. Они казались воплощением небесного воинства и были вооружены мечами, похожими на плавники летучих рыб. На поясе у каждого красовались ножны с тремя кинжалами различной формы.

Офицер в шлеме с двумя сверкающими перьями птиц римуза — знак особых полномочий — отделился от остальных, и подошел к судье. Поклонившись, он протянул ему небольшую дощечку с письменами.

Читая, Ахупам преобразился. На его лице последовательно промелькнули: гордость, недоумение и просветленное понимание.

— Царь Нилам милостив, — радостно сказал он. — Он заботится о нас, как о своих собственных детях. Его мудрость безгранична. Его справедливость достойна всяческого восхищения. Никто не мог бы вернее рассудить любой спор, чем наш добрый владыка.

Ахупам еще раз поклонился и прижал руки к груди, изъявляя глубочайшее почтение.

Офицер повернулся к Конану:

— Ты пойдешь со мной, варвар. Тебя будет судить сам царь! Он просыпал о твоих деяниях, и хочет видеть тебя лично! Солдаты, взять его!

Те с лязгом вытащили из ножен мечи и окружили Конана. Тот и не думал сопротивляться.

Вряд ли стоило присылать отряд солдат только для того, чтобы отправить его в чертоги Крома. В любом случае познакомиться с владыкой этого странного местечка было явно не лишнее.

— Как же так? — возмутилась женщина с косичками. — Господин офицер, почему его не судят обычным судом? Он нанес мне ущерб и я требую справедливости!

— Ты сомневаешься в справедливости царя? — поднял бровь офицер.

— Она сомневается! — подлила масла в огонь Меропа. — Хватайте ее!

— Нет, нет, я ничуть не сомневаюсь! — заголосила дама, прячась за спины рабов.

— Солдаты, вперед! — приказал офицер.

Воины замаршировали, заголосив свой странный однословный клич. Конан пожал плечами и невозмутимо двинулся вперед, окруженный птицеголовыми конвоирами.

Они направились в ту же сторону, куда увела вора. Миновали узкую кривую улочку, ведущую к рынку, поднялись по лестнице с широкими ступенями, прошли под высокой широкой аркой с нишами, в которых стояли статуи людей и зверей из черного базальта, и вышли на улицу, самую широкую из всех, виденных Конаном в городе. К тому же, она, в отличие от остальных была прямая, как стрела, и устремлялась вверх, к торчащим в небеса двум черным башням. Эта улица была безлюдна, если не считать лежащих по обочинам грязных калек, которые стонали и протягивали к солдатам руки. Поодаль копошились их голые дети. Они выглядели еще отрешеннее, чем взрослые, и смотрели бессмысленным взглядом, будто опоенные пыльцой черного лотоса.

Уличка заканчивалась большой пустой площадью, на которой- лишь кое-где мелькали живые островки людей — все тех же нищих. По обеим сторонам площади высились черные башни, одна из которых смотрела на Восход, другая на Закат.

Вблизи стало заметно что башни выглядели по разному. Создавалось впечатление, что их возвели с промежутком в сотни лет. Стены левой были закопчены и выщерблены до дресвы, штукатурка отвалилась, и орнаменты на ней потускнели от времени. Правая же выглядела так,

будто ее только что построили. Роспись была яркой и свежей, над стенами покачивались верхушки деревьев, у входа были натянуты разноцветные полотнища.

Птицеголовые воины направились к правой башне и Конану ничего не оставалось, как последовать за ними. У бронзовых ворот стояли воины, вооруженные алебардами.

Кортеж Конана остановился. Офицер с перьями обменялся приветствием и дощечками с караульными, и их пропустили внутрь.

Конан быстро огляделся, привычно оценивая обстановку. Прямо перед ним находилось длинное здание: в торце восточного крыла, загибавшегося в сторону площади, красовалась черная башня. Напротив ворот был выкопан круглый водоем, в котором плавали красные рыбы с длинными желтыми плавниками. Над ним выгнулся узкий мостик, увитый лианами и цветами.

— Иди, царь ждет тебя, — сказал офицер, показав на мостик.

Конану не пришлось повторять дважды. Мост нисколько не напоминал ловушку, да и красные рыбы выглядели подкупающе безобидно. Да и вряд ли стоило тащить его так далеко только ради удовольствия умертвить незадачливого чужеземца, в чертогах местного владыки.

Перейдя мост, Конан очутился на плетеной дорожке, которая тянулась к дворцу и поднималась по его ступеням. На лестнице стояли воины, но облачение их сильно отличалось от того, что уже довелось увидеть варвару.

Собственно, доспехи у них были разные.

Все. Складывалось впечатление будто местный владыка коллекционирует солдат из разных уголков Хайбории. Мимо идущего Конана мелькали длинные и короткие мечи, боевые молоты, кожаные, медные и бронзовые кирасы, украшенное лапами тигров, медведей, или инкрустированные драгоценными камнями.

Впечатление усиливалось еще и тем, что воины явно принадлежали к разным народностям хайборийского мира. Рядом с белокурым гигантом стоял невзрачный смуглый крепыш, а следующим в строю был гибкий раскосый солдат, который соседствовал с чернокожим гигантом, украшенным раздвоенной бородой.

Речь воинов также вызывала недоумение.

— Царь ждет тебя в тронном зале! — срывающимся фальцетом сообщил крепыш.

— Иди вперед, и ты увидаишь царя! — добавил его крупный собрат.

И оба: маленький — коротким мечом с волнообразным лезвием, а большой — боевым молотом, указали на арку, занавешенную зелеными полотнами, колеблющимися на ветру.

Конан вошел. За полотнами скрывался зал с множеством колонн, между которыми струился тусклый рассеянный свет. На противоположном конце помещения виднелась арка, освещенная теплым светом огня.

Конан направился к ней.

Неожиданно рядом послышались быстрые, легкие шаги, и Конан услышал переливчатый девичий смех. «Он идет, идет!» — долетел шепот.

Конан повернулся и успел заметить мелькнувшую по ближайшей колонне тень, а потом все смолкло. Но стоило киммерийцу возобновить путь, как шаги и смех раздались снова. Теперь их стало больше, они доносились с двух сторон, но, как Конан ни вертел головой, он так и не смог никого разглядеть: лишь за колоннами мелькали края легких одежд.

За аркой находился другой зал, ярко освещенный масляными светильниками на высоких медных, треножниках. Чад от сгоревшего масла уходил в искусно сделанные вытяжные отверстия, скрытые в стенах. По залу молча бродили люди с окаменевшими лицами, напоминающие восковые статуи.

В глубине зала, на небольшом возвышении Конан разглядел резной каменный трон. К нему вели ступеньки, богато изукрашенные орнаментом. У подножия трона распластался раб в разноцветных одеждах. Конан догадался, что это шут, призванный скрасить скуку владыки. На троне сидел высокий и худой человек с властным и сильным взглядом.

Конан приложил согнутую в локте руку к груди.

— Я Конан, варвар из Киммерии. Приветствуя тебя, владыка здешних мест!

Царь медленно поднял правую руку.

— Ты должен был придти, и ты пришел, — изрек он.

— А чтобы это уж наверняка произошло, ты послал за мной своих солдат.

Царь слегка улыбнулся.

— Мы ждали тебя.

Конан покачал головой.

— Наверное, я не тот, кого вы ждали. Я оказался здесь случайно. Мой корабль попал в бурю и разбился. Я единственный, Кром-повелитель, кому удалось уцелеть. Я плыл два дня, прежде чем попасть на ваш остров. Прежде я бывал на нем, но твоего города не видел. Возможно тогда я чем-то прогневал богов и они застили мне глаза.

Шут вскочил со ступенек, подбежал к царю и склоняясь к его уху, прошептал что-то, посматривая в сторону Конана.

— Они хотят убедиться в том, что ты существуешь. Они хотят коснуться тебя, — заявил царь.

Конан обернулся. Все безмолвные обитатели дворца, выстроились сзади плотной толпой. Варвар почувствовал как от них исходят волны страха.

Шут опустился на четвереньки и, подойдя к Конану, принялся обнюхивать его, словно шакал.

— Настоящий! — взвизгнул он, и заскулив, отбежал к трону.

Череда придворных выстроилась в длинную цепь. Они шли, шурша одеждами, холодные и надменные, и дотрагивались ледяными пальцами до руки или плеча Конана.

— Они убедились, что ты настоящий. Значит, настала пора идти в храм Гекатонхейра, — промолвил царь и уставился на Конана таким пристальным взглядом, словно опасался, что тот исчезнет или превратится в женщину.

Окруженный толпой застывших придворных. Конан на мгновение замешкался.

— Чего же ты мешкаешь? Иди. Промедления не было в наших снах, — нахмурился царь.

Конан окинул взглядом бесстрастные лица. Вот, значит, как. Оказывается он всем им снился. А теперь, наконец, его увидели воочию. Так что же хотят от него эти безумцы, Нергал их забери...

— Но вы то мне не снились, — возразил варвар.

Тут уже можно было начать смеяться, если конечно все это было шуткой. Но с каждым поворотом клепсидры Конан все меньше и меньше верил в то, что местный владыка просто решил позабавиться с чужеземцем.

Повисла тишина. Конан посмотрел на застывшие тела придворных и пожалел, что при нем нет его доброго меча. Сложившаяся ситуация нравилась ему все меньше.

— Этого тоже не было в наших снах, — нарушил молчание царь. — В наших снах ты сразу уходишь, как только я говорю, что настала пора идти в храм. Тот, который известен нам из сновидений, не задает вопросов. К чему? Если ответы на них он знает лучше любого из нас. Но теперь я вижу, что сны не всегда правдивы. Если богам так угодно, то я расскажу тебе обо всем. Но сперва изволь вкусить гостеприимство царя Нилама.

С теплом в сердце Меропа возвращалась домой, таща за собой косоглазого любителя лепешек.

— Ты узнаешь, Арфар, что я не солгала, — говорила она. — В моих объятиях ты забудешь обо всем. Я женщина горячая и вкусная, как мясное кушанье с вендинскими приправами! И ты не пожалеешь, что согласился провести со мной ночь!

Улица была непривычно пуста. По пути не попалось ни одного мальчишки, которые обычно уивались вокруг толстухи, как осы у винограда. Меропа поднялась по ступеням под анфиладой деревянных арок, увитых плющом, и отворила дверь.

У входа стоял ее старик-отец, который силился натянуть на себя ветхую одежду багрового цвета, украшенную костяшками из фаланг пальцев.

— Куда это ты собрался? — осведомилась Меропа.

Отец гордо поднял голову. Шея у него была тонкая, кожа на ней висела, как у туранского петуха, кадык торчал острым мыском.

— А ты, верно, считаешь, что твой отец ни на что уже не годен? — спросил он и с укоризной подняв вверх указательный палец. — Вот и ошибаешься! — Он засмеялся, точнее, попытался это сделать, потому что смех сразу же, не успев начаться, перешел в кашель. — Ошибаешься! Твой отец еще нужен!

Он продолжил застегивать пуговицы дрожащими руками, с трудом попадая в петли.

— За мной прислали, — сказал он. — Это был прекрасный молодой человек. Юный и нежный, как дева! Он сказал, что для меня есть работа...

— Но отец, ты ведь десять зим никого не казнил! — воскликнула Меропа.

— Мастерство не умирает! Принеси мне меч!

Меропа покачала головой.

— Разве ты сможешь поднять его? Отец, что же нам делать?! Зачем же ты согласился!

— Настоящий мастер не должен чураться испытаний! — гордо заявил он одергивая слежавшуюся одежду. — Я казнил сотни преступников, и никто из них не мог бы пожаловаться, что я недостаточно искусен в своем ремесле.

Меропа печально улыбнулась и ушла в дом. Через пару терций она вернулась с большим мечом в ножнах сандалового дерева.

— Ах, если бы только ты родилась мужчиной! — вдруг воскликнул отец. — В тебе есть все, что необходимо для нашего ремесла. Но тебе никогда не стать палачом только потому, что боги сделали тебя женщиной. И мое мастерство умрет вместе со мной. Боги не наградили меня наследником, которому я мог бы завещать свое умение...

Меропа привлекла отца к себе, и он уткнулся седой головой в ее плечо, едва сдерживая рыдания. Косоглазый Арфар, возлюбленный Меропы, смутившись, отвернулся.

— Ты не похожа на сестру, — всхлипнув, сказал старик. — Недавно я встретил ее. Она шлялась со своими любовниками, и вместе с ними распевала песню. Стыдно сказать, во что она была одета!

— Отец, наверное, это были не любовники, а се друзья. Ты же знаешь, как она обожает их. Именно поэтому она стала дровосеком. Она не переносит одиночества. И очень любит орудовать топором.

— Мне пора, — сказал отец, отрываясь от Меропы.

Она вручила ему меч в ножнах. Старик сразу же согнулся под его тяжестью, и был

вынужден упереться мечом в пол. Меропа хотела ему помочь, но он с негодованием отказался.

— Ничего, я дойду. У меня хватит сил, — сообщил он, и поплелся, волоча меч. — Я сделаю все, как надо. Не беспокойся обо мне, дитя мое!

Он вышел и вздыхая и кряхтя, принял медленно спускаться по лестнице.

Меропа взглянула на возлюбленного. Он с потерянным видом стоял у окна в сад и делал вид, что любуется деревьями и маленький прудом.

— Арфар, любовь моя! — позвала Меропа.

Арфар обернулся. Он был прекрасен. Он был словно ребенок, который увидел мать после долгой разлуки. Хотелось прижать его к груди и целовать, целовать.

— Идем наверх, вкусный мой! — сказала Меропа.

Царь Нилам повелел, чтобы его гость получил все, что он только пожелает, дабы никто не мог усомниться в великодушии и справедливости владыки Терена.

— Мы хотим, чтобы ты увидел мир богов, — изрек царь.

Мир богов начался с мебели. Слуги внесли столы и скамьи, и составили из них прямоугольник без одной стороны. Потом появилась посуда. Ритоны и килики, блюда круглые, овальные, квадратные, чаши и пиалы, золотые и серебряные кубки. И, наконец, внесли птиц в золотых и серебряных клетках, которые принялись услаждать слух пирующих волшебным пением.

Воскурили благовония, и по тронному залу поползли тонкие ароматы, которые разжигали аппетиты всякого рода, начиная с желания вкусно поесть, и заканчивая любовным томлением. В возбуждение пришли все: и придворные, и слуги. Дух Камы, вендийского бога любви, витал в зале. Раздавался смех, служанки покачивали бедрами, а женщины бросали на мужчин обжигающие взгляды.

— Богам угодны зрелища! — воскликнул Нилам и громко хлопнул в ладоши.

Зрелища начались с акробатов. На оставленную пустой площадку перед троном вышли десять человек разного возраста — от старика с седой бородой до ребенка. Они принялись создавать пирамиды из собственных тел и заплетаться в немыслимые узлы, так как будто у них не было костей.

Вместительная двуручная чаша из блестящего металла, казалась естественным продолжением конечностей Конана. Могучий варвар держал ее одной рукой так, будто это была легкая деревянная плошка. Раб-чашник, оставаясь не у дел, смущенно переминался с ноги на ногу.

Конан не слишком любил акробатов, он почти не смотрел на них, зато с удовольствием наблюдал за рабыней, подливавшей вино из медного кувшина.

Когда она наклонялась, сквозь тонкую ткань хитона проступали возбужденные соски. Золотистые кудри, обрамлявшие тонкое, правильное лицо спадали, мешая ей, и она с улыбкой откидывала их назад.

Ее густые ресницы были не способны скрыть одновременно испуганный и смешливый взгляд. Она была похожа на голубицу, заигрывающую с кружасшимся в любовном танце голубем, которая усиленно делает вид, что хлебные крошки интересуют ее гораздо больше, чем всякие глупости.

Конан привлек ее к себе. Рабыня испуганно отпрянула.

Варвар захохотал.

— Наливай, красавица! Наливай, пусть вино будет бродить во мне так же, как в тебе бродит твоя молодая кровь!

Руки ее задрожали, и золотистый локон как бы невзначай опустился в чашу киммерийца. Когда килик был почти доверху наполнен, златокудрая красавица с улыбкой распрямилась, и вино, словно красная кровь, тонкой струйкой потекло с ее волос на белый хитон.

— Я пью за тебя! — сказал Конан, подмигивая девушке.

Девушка покраснела, у нее подкосились ноги и раб-чашник метнулся, чтобы поддержать ее. Конан ухмыльнулся.

Ему нравилась эта рабыня. Было бы хорошо заняться с ней любовными утехами и обучить кое-каким тонкостям. Она явно стала бы прилежной ученицей.

Но сначала нужно понять: что от него хотят. Когда будущее в неизвестности тут уж не до прекрасных девических тел.

Конан отставил чашу и обратился к царю.

— Ты говоришь царь, что я тебе снился? Тебе и твоим подданным. Но почему тогда на улицах твоего города меня не узнавали? Они вели себя так, словно видели меня впервые.

Царь Нилам вытер губы и взмахом руки отоспал рабыню.

— Они ничего не помнят. Все простолюдины перед сном пьют Напиток Забвения. Таков древний обычай. Поэтому каждый день для них — новый. По крайней мере, так гласит закон. Есть конечно и те, кто пренебрегает этим мудрым обычаем, но он все равно вскоре выдаст себя и тогда его силой принудят пить настой.

— Почему же его пьют только простолюдины? Если он дарует грэзы и позволяет забыть о невзгодах, почему же им пренебрегаешь ты и твои архитекторы?

— Мы храним Истину, — ответил Нилам. — Мы не прочь бы тоже были жить одним днем, как все. Удивляясь, радуясь новому и восхищаясь невиданным. Но кто-то обречен хранить Истину в ту пору, как иные живут безмятежно, словно цветы под лучами солнца. Наше предназначение открыть Истину, дабы рассеять иллюзии.

Акробаты раскланялись и убежали, подпрыгивая и кувыркаясь на ходу. Как только они скрылись за одной из дверей, из соседней появилась стройная, длинноногая девушка, в том нежном возрасте, когда женское естество лишь начинает пробуждаться в детском теле. Маленькие груди едва были прикрыты серебряными колпачками, похожими на ритоны.

Дева знала о своей красоте, и пользовалась всеми средствами, чтобы разжечь страсть в мужских сердцах. Полупрозрачные шальвары прикрывали ее прелести ровно настолько, чтобы они казались еще желаннее. Она начала медленно танцевать и каждое продуманное движение показывало зрителям как нежна ее кожа и сколь тути бедра. Чарующе изгибаюсь, она тяжело дышала, словно в возбуждении от того, что сильный мужчина уже проник в ее юное лоно.

Конан забыл о чаше в руке и златоволосой рабыне. Он следил за грациозной танцовщицей, которая постепенно избавлялась от своей невесомой одежды.

Конан даже привстал от возбуждения. У него слишком давно не было женщины, чтобы он мог спокойно воспринимать подобное действие. Золотоволосая служанка даже фыркнула от возмущения.

— Она не достойна такого мужчины как ты, чужестранец, — вполголоса проворчала она. Нилам обернулся к ней и нахмурил брови.

— Зато ты удостоилась гнева царя, презренная! Как ты смеешь распускать свой дерзкий язык, когда твоему повелителю и его гостю угодно любоваться танцем?

Служанка побледнела и задрожала, кувшин едва не выпал у нее из рук.

— Не наказывай ее, царь, — попросил Конан. — Пусть останется строптивой, покорные женщины скучны.

— Хорошо, варвар. Она не будет наказана. Твое желание — закон, — ответил владыка Терена.

Танцовщица обернулась, улыбаясь и тяжело дыша. Она чувствовала, что произвела большое впечатление на гостя, и явно радовалась этому. Одним движением она скинула последнее одеяние, оставшись полностью обнаженной. Постояв мгновение она резко развернулась и скрылась за занавесками.

Музыканты перестали играть. Только птицы продолжали выводить свои рулады.

— Тебе понравилось? — спросил царь.

— Она прекрасна! — воскликнул Конан.

Нилам рассмеялся.

— Я подарю ее тебе, как и всех, кого ты пожелаешь. Она невинна. И тело ее очень нежное.

— Я вижу, — сказал Конан. — Ты щедр на обещания. Но я все еще не услышал от тебя, что мне предстоит сделать.

— Ты тот, кто предназначен нам судьбой, — ответил царь. — Ты должен разорвать Круг. Много раз мы видели во сне, как ты входишь в храм и сражаешься, как падают стены храма и вновь начинает идти время. Говорят, это страшно, когда время идет. Ибо оно идет неумолимо, как глухой палач, не внимающий мольбам.

Царь умолк, погрузившись в глубокие раздумья. Лицо его стало серым, словно грозовая туча, а глаза готовы были метать молнии.

— В начале времен было три Гекатонхейра, — продолжил он после недолгого молчания. — Это были самые могущественные существа в мире. Даже боги боялись их. Один вид Гекатонхейров мог довести до безумия любого небожителя. Так, гласят предания. Я не знаю, и никто из жителей Терена не знает, как выглядят Гекатонхейры. Потом из них остался только один, но мы никогда не видели его воочию, только в снах, так же как и тебя. А в снах он предстает всегда в чужом облике. Он может обернуться женщиной, мужчиной или ребенком. Может быть зверем, птицей или рыбой. Но в наших снах мы всегда знаем, что это именно он — Гекатонхейр. Сторукий и пятидесятиглавый. Он принес всех нас в жертву времени. Весь Терен. Говорят, он сделал это, сражаясь с ужаснейшими демонами, которые собирались выбраться из-под земли, чтобы погубить поднебесный мир. Он низверг подземных тварей в пучины Зандры, но сделал нас заложниками времени.

Конан не верил ни единому слову из услышанного. Слова царя совершенно не соотносились с тем, что он видел собственными глазами. А своим глазам северянин привык доверять больше, чем каким-то рассказням.

— Как же мы можем разговаривать, если время остановилось? — не сдержался Конан. — Ведь чтобы ты смог произнести речь, тебе нужно время!

Царь улыбнулся.

— Да, ты прав, чужеземец. Мне нужно время. И тебе нужно время. Нам всем нужно время, и совсем без него мы не смогли бы жить. Ты прав, оно есть здесь. Но я уже сказал, что ты должен разорвать Круг. В Терене нет потока времени, привычного тебе. Гекатонхейр замкнул время само на себя, сделав Кругом. В начале Часа Овна Круг замыкается — и все повторяется вновь. Каждый день, как один-единственный. Мы говорим те же слова, совершаем те же поступки. Ничто не меняется. Мы все страшно устали от этого. И вот теперь пришел ты. Ты вторгся в Круг нашего времени, как и было предсказано.

— А кому ты говоришь эти слова обычно? До того, как появился я? — спросил Конан.

— Никому. Я впервые их произношу.

— Значит, Круг Времени уже разорван?

— Нет, просто ты вошел в него. И выход у тебя только один.

Конан помрачнел. Служанка была достаточно сообразительной, чтобы вновь до краев наполнить его ритон. Запах хорошего вина слегка унял начавшее было подниматься раздражение варвара. Он не любил, когда его принуждали.

— Хорошо, — сказал он. — Я готов поверить. Хотя это и совсем невероятно. Как можно существовать только в одном дне, совершая одни и те же поступки? Вы что, не можете попытаться сделать что-нибудь по-другому? Ну, скажем, хотя бы напиться против обыкновения. Или забраться в постель к чужой жене?

Царь рассмеялся.

— Все бесполезно. Силы, неподвластные земным царям, заставляют нас делать то, что мы уже делали. Произносить слова, которые мы прежде произносили. Но они не властны над

нашими мыслями. В мыслях мы свободны, в мыслях мы можем совершать любые поступки, вплоть до самоубийства. И это мучительнее всего.

— Что-то это слишком сложно. Я не понимаю, — заявил Конан.

Он чувствовал, что от усилий понять его голова сейчас развалится на части, как перезревший плод под пятой прохожего. Он взял ритон и с удовольствием утопил непонимание в вине. — Хорошее вино, — сообщил он. — Вот это я понимаю. Ладно, Гекатонхейр он там или нет, правду ты говоришь или выдумываешь, это, в конце концов, не так уж и важно.

— Я говорю правду, воин! — воскликнул царь. — Судьбы людей всего лишь отражение игр богов. Но боги могут что-либо изменить. Они могут начать игру заново, если проиграли. А люди не могут. Люди играют только один раз — и проигравший проигрывает единожды. Второго шанса не дано.

— А кто эти девушки, там, в соседнем зале? Там было так темно, что я не смог толком разглядеть ни одну из них, но мне показалось, что они молоды. Почему они не здесь и не пируют с нами?

— Это жрицы Гекатонхейра. Они девственницы, и поклялись не выходить из Зала теней, пока Гекатонхейр сам не придет к ним.

— Глупая клятва, — отрезал Конан. — А что их родители, как они дали свое согласие?

— Когда Гекатонхейр появился из Чертогов Тьмы, они убили своих родителей. Такова была воля Гекатонхейра, который пришел к ним во сне, и приказал сделать это. Они безумны, но так же безумна их страсть. И все будут в твоем распоряжении после того, как ты убьешь Гекатонхейра. Если не будет его, то хранить свою девственность им будет незачем. А они с малолетства обучены ублажать мужчин. Они безумны и жаждут отдаваться победителю. Боль для них тоже страсть. Ты сможешь делать с ними, что хочешь. Они будут влюблены в тебя настолько, что, не задумываясь, ни на мгновение отпадут тебе свои жизни, стоит только попросить.

— Если время у вас течет по-другому, то как кто-то может вообще чему-то обучиться? — поднял брови Конан. — Как же этот самый Круг, который повторяется изо дня в день?

— Жрицы богов не подвластны Кругу. Их господин дарует им свою милость.

— Непонятно, как они вообще появились на свет, если их родители обречены каждый день делать одно и то же, — буркнул Варвар, — впрочем, ты нарисовал заманчивую картину. Пожалуй, мне действительно стоит поболтать с этим самым Гекатонхейром.

— Убей его! — воскликнул царь. — Освободи нас! И ты станешь нашим величайшим героем!

— Героем — это, конечно, хорошо. И я с удовольствием побуду им некоторое время. Но потом мне бы надо попасть на материк. Ну и чтобы там у меня позывкало что-то в кошельке. Может на твоем острове это незаметно, но в большом мире люди стали алчными и полюбили звон монет...

Царь рассмеялся.

— Мы снарядим корабль, нагрузим его лучшими товарами и ты поплыешь на материк богатым купцом!

— Проще было бы заплатить золотом, — заметил Конан.

— А эти презренные металлы все еще в цене? — искренне удивился Нилам. — Наш предсказатель утверждал, что в будущем золотом будут мостить улицы.

— Удавите его, или отрубите голову, — посоветовал Конан. — Все равно она ему не нужна, раз он не умеет ей пользоваться.

— Ты прав, варвар, — сказал царь. — Только уже поздно. Голову ему уже отрубили. Как раз за то, что он не сумел предсказать появление Гекатонхейра. Точнее не отрубили, а оторвали. Заодно оторвали руки и ноги. Не пожалели быков для такого дела.

Конан еще раз приложился к вину. Оно было простым и понятным, оно никогда не лгало, на него вполне можно было положиться, если, конечно, уметь пить. Конан пить умел. На этот раз он пил долго, не спеша, обдумывая, как поступить.

Наконец он поставил пустую чашу на стол.

— Хорошо, я разорву Круг. Если это вообще возможно! Но для начала я хотел бы отдохнуть. А потом — взглянуть на храм с башни.

Храм Гекатонхейра представлял собой крест с длинной поперечной перекладиной, концы которой опускались книзу, к площади. Своими очертаниями оно напоминало урезанный кхитайский знак, обозначавший Смерть.

Стены почернели, то ли от времени, то ли от ненависти, которая каждое мгновение невидимым потоком обрушивалась на храм из города. От детей, которые не понимали, почему им никогда не удается скрыть свои проказы, купцов, которым опостылило торговать одним и тем же товаром, воров, вечно кравших то, что на следующий день возвращалось к хозяевам, пьяниц, каждое утро испытывавших мучительное похмелье, стариков и старух застывших в своей дряхлости и отчаявшихся попасть на Серые Равнины. Те, кто пили Напиток Забвенья забывали о том, что происходило вчера, но те, кто из чувства противоречия или безрассудности пренебрегали этим обычаем, были обречены на весь ужас катящегося по кругу Бытия.

Круглый пруд перед главным зданием был заполнен костями и черепами, словно в запретной башне огнепоклонников из Айодхи, которые отдают своих мертвцевов, на корм для птиц, веря, что пернатые доставят их души на небеса. -

На костях лежали обломки моста.

Конан, стоя с владыкой Терена на вершине башни, угрюмо разглядывал картину внизу.

— Что с ними случилось? Откуда там кости? — поинтересовался Конан, обернувшись к царю. — Это что, те несчастные, которых угораздило войти в ваш Круг Времени до меня, и ты направил их сражаться с древним демоном? Те, кто снились вам раньше?

— Нет, Конан, ты первый. И единственный. Ты не можешь не победить. Я знаю. Мы все знаем, — опустил глаза царь.

— Не слишком верю я вашим снам! — бросил Конан, и увидел, как по ступеням поднимается рослый воин с длинным деревянным ларцом.

— Твой меч, — пояснил Нилам.

Воин опустился перед киммерийцем на колени и протянул к нему ларец.

— Открой его, — приказал царь.

Конан откинул крышку ларца. В продолговатом углублении лежали древние ножны. Они выглядели, как высохший труп жреца Сета, пролежавший без надлежащего ухода не меньше тысячи зим. До растрескавшейся коричневой кожи страшно было дотронуться — казалось, она рассыплется в прах от одного прикосновения.

Но она не рассыпалась.

Конан потянул за рукоять, и меч легко вышел на свет. Лезвие было великолепным. Темный металл тускло отсвечивал на солнце. По лезвию струились неведомые письмена, напоминавшие лемурийскую вязь.

— Значит, ты хочешь, чтобы я убил Гекатонхейра? — уточнил Конан, рассматривая меч. Оружие в руках снова вернуло ему добroe расположение духа и самоуверенность. — Может сначала стоит поговорить с демоном? Глядишь он одумается и вернет вам отнятое...

— Да, он должен быть умерщвлен, — не поддержал шутку царь Нилам. — Когда он будет низвергнут в Пучину Зандры, Круг Времени будет разорван. Вечность остановится. Мы вновь обретем свободу.

— Но как я, обычный варвар из далекой северной страны, смогу справиться с существом, которого боялись боги?

— Нам снилось, что ты убил его.

Конан усмехнулся.

— Да, причина серьезная! Ладно я убил его? Это вам случайно не снилось?

Нилам покачал головой.

— Увы, сны не могут дать ответы на все вопросы! Довольно и того, что боги пророчат тебе победу!

— Жаль, что они не потрудились предупредить об этом Гекатонхейра! — проворчал Конан.

Царский кортеж вышел за ворота дворца на колокол раньше, чем обычно. Это настолько поразило городских нищих, что они погрузились в почтительное молчание, пряча глаза, дабы не осквернить повелителя нечистым взором.

Все было, не как всегда. Обычно царь Нилам находился в середине процессии, в богато украшенном паланкине, который несли четыре огромных, кешанских раба, ступавших так слаженно, что паланкин почти не качаясь словно бы плыл по тихой воде. Только ветер слегка колыхал занавески на его дверях.

Но на этот раз владыка шел впереди остальных. Это было поразительно, потому что он двигался, переступая ногами, словно простой смертный. Нищие с изумлением узрели, что царь был среднего роста, отнюдь не великан, — и лицо его совсем не сияло неземным светом. Но на этом чудеса не заканчивались. Рядом с владыкой Ниламом шествовал человек выше его на целую голову. Оттого, при разговоре, он был вынужден слегка нагибать голову — и повелитель вместо того, чтобы приказать отсечь наглецу голову, словно и не замечал столь вопиющего нарушения обычая!

Стражников было немного. Вместо того чтобы окружать толпу подданных, они двигались в хвосте кортежа, а их обычное место занимали воины, которых нищие не видели уже много зим.

Разного роста и телосложения, они были и облачены в доспехи со всей Хайбории, и от того больше напоминали не грозных бойцов неведомых стран, а бродячих комедиантов, привыкших сражаться исключительно на потеху зрителям, чтобы снискать благоволение дам и получить в награду мелкую монетку. Болтали, что это разношерстная компания — это вольные наемники, однажды появившиеся в Терене, и застрявшие здесь навсегда. Но не нашлось бы человека, способного вспомнить: когда и зачем эти искатели приключений прибыли на их землю.

Кортеж остановился на некотором расстоянии от ворот Мертвого Дворца. Стражники, шедшие сзади, выбежали вперед и скрылись в узких проемах по обе стороны от огромных бронзовых створок, подернутых патиной. Терцию ничего не происходило, затем ворота задрожали — и с жутким скрежетом приоткрылись.

Нищие в ужасе отхлынули назад. Посльшились вопли женщин и детей. Царь поморщился.

— Эти оборванцы нарушают торжественность момента.

— Так выгони их из города — и дело с концом, — посоветовал Конан, поглаживая рукоять меча.

— Пока не будет разомкнут Круг Времен эти нищие не могут уйти. Их можно казнить, но назавтра они снова воскреснут. Мы не в силах изменить последовательность событий.

Конан крякнул и почесал в затылке.

Тяжелые врата открылись до половины, потом застыли.

Сквозь образовавшийся проем можно было разглядеть, что мертвая часть дворца выглядела еще мрачнее, чем сверху.

С башни нельзя было почувствовать того жуткого запустения смерти, которое здесь царило. Было тихо и пустынно: не летали птицы, не шмыгали гривастые вендиjsкие крысы, даже муhi и те не роились над костями. Только ветер вздыпал красную пыль и вдалеке колыхались лохмотья истлевшего полога.

— Иди, и смируется над тобой Податель Горнего Очага!

Царь сделал пальцами знак, отвращающий демонов и обвел им вокруг головы Конана. Варвар ничего не ответил, только сощурил синие глаза и осторожно двинулся к воротам.

Перешагнув незримый порог он немного прошел и застыл на месте. Сзади послышался протяжный скрип. Конан обернулся. Ворота закрыли, но не до конца, оставив щель, через которую мог бы прятиснуться человек. Что ж, по крайней мере, похоже на его возвращение действительно надеются.

Мертвая половина дворца была зеркальным отражением живой. Подобно тому, как мир людей был отражением мира богов, а мир мертвых был отражением мира живых. Только вместо воды в круглом пруду были черепа и кости, а зеленые занавеси перед входом превратились в выцветшие лохмотья.

Конан поднялся по ступеням и вошел внутрь. Как ни странно, здесь было куда светлее, чем в обители безумных жриц. Конан поднял голову: так и есть, здесь проделаны световые окна. Некоторые из них уже успели зарасти колючим ползуном, но большая часть уцелела и сквозь них просачивался игольчатый призрачный свет в котором танцевали пылинки.

Под ногами варвара хрустели обломки штукатурки и дресва, сквозь трещины в стенах с приглушенным воем прятискивались порывы ветра.

Конан остановился и прислушался. Терять осторожность не следовало, хотя вокруг было пустынно и тихо. Но варвар знал, что вот в таких руинах часто любят находить пристанище всевозможные малоприятные твари, которые не прочь полакомиться некстати расслабившимся путником.

Вдруг какой-то посторонний звук донесся до ушей киммерийца.

Варвар застыл.

Тряхнул густой гривой черных волос.

Показалось.

Но звук повторился и Конан с удивлением понял: это не что иное, как приглушенные человеческие голоса.

Конан приложил ладони к ушам и стал медленно поворачивать голову. Так искали источник звука воины Похиолы. Через несколько мгновений киммериец установил, что голоса доносились снаружи.

Он, стараясь не наступать на обломки, крадучись вернулся и приложил глаз к прорехе в ветхой ткани полога.

За ним шли двое. Это были те воины, с которыми он встретился у входа во дворец владыки Терена: коротышка с волнообразным мечом и гигант с боевым ванахеймским молотом. Значит, Нилам решил подстраховаться и послал следить за Конаном парочку наемников. Вот, что бывает, когда люди перестают доверять даже собственным снам!

Но через пару ударов сердца Конан понял, что царь тут ни при чем. Эти двое явно вели какую-то собственную игру.

Говорил в основном крепыш. Слова распирали его изнутри и он, не в силах сдерживать напряжение, без умолку болтал, размахивая в такт собственной речи мечом.

— Мы и сами могли бы справиться с дряхлым демоном! Никто в этом проклятом месте не владеет клинком лучше нас. Теперь же вся слава и все почести достанутся этому тупому варвару. Разве что...

Он на мгновение осекся.

— Тише ты, он может услышать! — вполголоса ответил громила.

— Да брось! Никто ничего не услышит. Этот никчемный северянин уже успел уйти далеко вперед. Ему наверняка не терпится поскорее обстряпать это дельце и вернуться за щедрой наградой. Мзда так велика, что ни один смертный не способен хотя бы на миг отсрочить собственную алчность!

— Варвар — может быть! Зато царь Нилам, да продлит Митра его жизнь, может

разгневаться, услышав такие слова.

— Ты прав, Торквал — согласился крепыш. — Царь, скорее всего не уйдет от ворот до тех пор, пока исход дела не будет предрешен. Рога Нергала, как ты думаешь, нас никто из не хватится? Ты случайно никому не разболтал про тайный лаз в стене, через который мы сюда попали?

— Это ты, Сфирос, слишком много болтаешь, а не я, — вздохнул великан.

— Ты прав, ты прав! — воскликнул Сфирос, — и с досадой ударил себя кулаком по бедру. — Боги наградили меня любовью к плетению слов и я ничего не могу с этим поделать. Порой мне так надоедает собственный язык, что я готов его отрезать.

— Я готов тебе помочь! — буркнул громила, и подкрепил свои слова затрециной.

Сфирос упал, перекатился и вскочил.

— Остынь, Торквал! — громким шепотом просипел он. — Не трать попусту силы. Они нам еще понадобятся! Кольца Сета, ведь мы даже не знаем, с кем нам предстоит сражаться!

Конан не стал слушать дальше. Он понял, что наемники знают не больше его самого.

Варвар бесшумно преодолел зал и углубился внутрь мертвого дворца. Тронный зал представлял собой удручающее зрелище. Казалось, что парочка безумных великанов решила тут всласть поразвлечься и принялась все крошить на своем пути.

Кругом валялись покрытые пылью и паутиной обломки, плиты пола вздыбились, стены растрескались, даже тяжелые бронзовые колонны были выкорчеваны, согнуты и искорежены.

Правда трон уцелел и стоял на своем месте. Конан поднялся на возвышение и не обращая внимание на слой пыли и тенета опустился на каменное сидение, решив поразмысльить о том, что предпринять далее.

Где может обитать этот Гекатонхейр? Демону не пристало жить при солнечном свете, значит обитель твари следовало искать под землей. Значит нужно отыскать вход в подземелье, которое тут наверняка имеется.

Рассудив, что даже плохой план лучше чем никакой, Конан снял с пояса кожаную баклажку сделал глоток воды и приготовился к поискам.

Сидеть на троне было жестко и холодно и варвар мысленно посочувствовал владыкам Хайбории, которым приходилось с этим мириться.

Издалека уже доносилась визгливая болтовня коротышки Сфироса и Конан всерьез призадумался о том, а не стоит ли размять кости и поговорить по душам с этой парочкой. Но силы следовало беречь и варвар с сожалением решил отказаться от заманчивой идеи. Бесшумно, словно крадущаяся пантера, он сошел с тронного возвышения и быстро скрылся в проходе, ведущем в западное крыло дворца. Он решил, что башня, как и все здесь, тоже должна иметь свое отражение. Отражение — вниз.

Нижний ярус башни был пуст. Узкая лестница, начинаясь в центре, уходила наверх. Перекрытия между ярусами почти полностью разрушились, было видно, что и верхняя смотровая площадка представляет собой лишь жалкие останки былого величия: пару уцелевших плит и торчащие обломки балок.

Конан поставил ногу на нижнюю ступеньку. Она угрожающе затрещала. Сверху посыпалась пыль. Вдруг одна из балок перекрытия зашаталась и сорвавшись с места, стремительно ринулась вниз.

Варвар проследил за ней взглядом и аккуратно сделал шаг в сторону. Балка грохнулась рядом, и выбив из пола пыль вперемешку с каменными крошками, с шумом отскочила в сторону...

Прошло мгновение, и от удара балки, промявшей каменный пол, вдруг зазмеилась черная трещина.

Конан подпрыгнул. Трещина пробежала между его ног — и понеслась ко входу в башню. У открытого проема она резко свернула в сторону и уперлась в стену... А потом поползла по ней наверх!

Конан понял, что еще пара терций и он будет погребен под обломками башни. Было пора уносить ноги. Недолго думая он кинулся к выходу. Пол под его ногами ходил ходуном, как палуба корабля, попавшего в нешуточную качку. Не успел Конан сделать и десятка шагов, как пол под ним выгнулся и пополз вбок. Еще одна трещина зазмеилась впереди и киммериец заскользил вниз, с трудом сохраняя равновесие. Внезапно пол под ним кончился, на миг он повис в пустоте, а потом с силой рухнул на твердое дно.

Варвар с трудом поднялся, встряхнул головой и передернул плечами: спина, вроде цела. Руки и ноги тоже. Что ж, веющие сны обещали ему победу, поэтому он просто обязан уцелеть, чтобы не разочаровать подданных островного владыки. Он напряг глаза. Ясно было, что он очутился в подвале. Наверху все еще грохотало и вниз летели обломки и пыль. Конан чихнул и, поправив меч, двинулся вперед. Острые глаза северянина быстро приспособились к слабому освещению, и он заметил неподалеку ступени. Кром, значит он оказался прав: башня и впрямь имеет отражение.

Он стал осторожно спускаться. Лестница, ведущая вниз, сохранилась вполне прилично и спуск обещал быть нетрудным. Свет, проникавший сверху, вскоре окончательно рассеялся и вместо него забрезжил другой: неровный, красный, зловещий, словно исходящий от подземных огненных рек.

Рдяный свет усилился и в его колеблющемся зареве Конан разглядел, что лестница заканчивается. Пол внизу блестел как вода. Дойдя до нижней ступени, Конан понял, что это не причудливая прихоть неведомого зодчего: пол и впрямь залит слоем воды и поэтому коридор, представший перед его взором, напоминал лунную дорожку в ночном море.

Конан ткнул острием меча в воду. Раздался стук — лезвие наткнулось на камень. Конан поводил клинком по сторонам. Камень, везде камень. Вода едва покрывала плиты тонким слоем.

Впереди был выход, светящийся багровым огнем. Конан помянул Крома и, вспомнив царя, сделал знак, отвращающий демонов. Понятно, что до владений Зандры еще неблизко, но ожидать, что в красном мареве его ожидает накрытый для пира стол и стайка соблазнительных дев, было бы тоже как-то наивно.

Конан осторожно ступил на каменный пол, покрытый водой. Ничего не произошло, кроме

того, что вода сомкнулась вокруг щиколоток.

Конан двинулся к выходу, красный свет отражался в его синих глазах, скользил по черной гравише волос.

Зал, куда он вошел, был огромен. Шаги отдавались под сводами многократным эхом. Оглянувшись вокруг, Конан понял, что зловещий свет, исходил от сотен горящих факелов, торчащих из медных треножником. Вверх, к терявшемуся в сумраке своду, уходили массивные квадратные колонны, сложенные из гигантских каменных кубов. На некоторых можно было различить полустертыми фрески со сценами из существ мало напоминающих людей.

Вдалеке виднелся вход в другой зал. Тоже светящийся красным.

Все было гигантским, словно построено не для людей. Или — не людьми. Но думать о том, кем были эти безвестные строители, Конану не хотелось. Были дела поважнее. Поэтому осторожно шлепая по воде и держа меч наизготовку, киммериец пересек зал и вошел в следующее помещение.

Человекоподобная тень упала на него. Варвар отпрыгнул и, вслепую, еще толком не разглядев противника, рубанул мечом. Лезвие рассекло лишь воздух.

Поняв, что произошло, Копан рассмеялся.

Статуя!

Всего лишь каменное изваяние двуногого существа, увенчанного спиралевидными рогами. Варвар понял, что это — Нергал, Темный бог подземного мира.

Древний ваятель хорошо знал свое дело! Гигантская, в два раза выше Конана, фигура из черного базальта была так выразительна, что казалась: сейчас она сойдет с пьедестала, чтобы сразиться с врагом. Лицо базальтового воина поражало величественным спокойствием, руки опирались на меч, клинок которого по форме напоминал молнию.

Он был не одинок, этот каменный исполин. Другие статуи виднелись в неверном, мерцающем свете факелов. Стены зала были увешаны огромными щитами, размерами под стать воинам.

В центре зала стоял огромный саркофаг. Конан осторожно приблизился, пытаясь рассмотреть подробности. Нечто подобное он видел в тайном городе Кеми, в самой плодородной части Стигии. Для своих сановитых мертвцев стигийцы делали усыпальницы похожей формы.

Сверху саркофаг был покрыт толстым слоем пыли. Конан осторожно провел краем лезвия по верху, разгребая пыль. Потом смахнул остатки рукой. Это был точно стигийское изделие: на нем был высечен барельеф лежащего человека. Его черты лица и поза сложенных на груди рук явственно говорили опытному взору, что это дело рук подданных Сета.

Неожиданно раздался скрежет. Тени каменных воинов задвигались. С ужасом киммериец уставился на ближайшего к нему исполнина, но статуя оставалась на месте. Свет, понял Конан, неверный свет факелов создает иллюзию движения. Варвар догадался, что ощупывая саркофаг он, сам того не подозревая, запустил древний механизм или же пробудил спящую магию.

И в следующее мгновение киммериец увидел, как ближайший к нему треножник с факелом вдруг странно накренился. Вслед за ним задвигались и остальные. Некоторые только меняли наклон, другие же начали скользить по пазам в полу, оставляя на воде пенные следы. Медные щиты на стенах тоже принялись менять положение, выдвигались и поворачивались, отражая и перенаправляя свет факелов. Кругом затанцевали тени.

Лучи сплелись и весь свет сконцентрировался в одном месте. Это было рельефное изображение ворот на стене, на котором кое-где еще сохранились следы охры. В центре зияло отверстие — гигантский зрачок нарисованного глаза, и когда узкий луч дополз до центра зрачка, врата дрогнули — и в месте сочленения створок посыпался песок. Ворота стали открываться!

Конан отступил и укрылся за пьедесталом ближайшего базальтового воина.

За открывшимися воротами находилась анфилада пустых комнат. Они уходили вдаль и терялись в темноте. И еще был странный звук, долетавший издалека.

Конан прислушался.

Больше всего это напоминало шелест множества разворачиваемых пергаментных свитков.

Больше ничего не происходило. Конан перехватил меч поудобнее.

Ладно, раз приглашают, то не следует обижать неведомых хозяев. В конце концов, за его спиной остался нелегкий путь и было бы странно не сделать последний шаг. Он вошел в темноту и двинулся по пустынным комнатам. В тишине гулко отдавались его шаги, но они не могли заглушить странного шелеста, который усиливался с каждой терцией.

Свет, проникавший в анфиладу из зала каменных воинов, становился все слабее, но глаза постепенно привыкали к темноте. Так что вскоре северянин разглядел, чем заканчивалась анфилада.

Темные тяжелые занавеси, когда-то — красные, а теперь — цвета земли, закрывали последний проем.

Подойдя вплотную, Конан осторожно раздвинул занавеси острием меча.

Увиденное настолько ошеломило варвара, что он громко захохотал — меч дернулся, занавеси соскользнули с клинка и вновь закрылись.

Грозный Гекатонхейр, обладатель ста рук и пятидесяти голов — или по крайней мере, его местная разновидность — оказался всего лишь скопищем выпотрошенных и засушенных мертвецов, которых стигийские жрецы Сета именуют мумиями.

Конан отодвинул ветхие занавеси и шагнул внутрь, крепко сжимая меч. Мертвецы стояли вдоль стен и равномерно покачивались, широко раскрывая беззубые рты. Поначалу варвару их движения показались хаотичными, но потом, присмотревшись он понял в чем дело.

Мумии пели.

Пели песню без слов и звуков. Песнь Тишины.

Конан покачал головой. Непросто, должно быть петь, когда у тебя нет легких, горла и языка.

Да, это жалкое скопище мертвецов было способно напугать разве что какого-нибудь трусливого торговца, чьи руки никогда не держали меча или пустоголовую матрону, разжиревшую от вкусной еды и мягкого ложа. Неужели вот эти пустые бурдюки из кожи и костей оказались способны сокрушить подземных демонов, которые, если верить словам царя, пытались пробиться в подлунный мир? Киммериец нахмурился. Нет, поверить в такое просто невозможно. Кучка мумий — против тварей Зандры!

Немыслимо!

Разве только эти мертвецы присвоили себе чужую славу? Славу истинного победителя демонов? Северянин почесал в затылке: собственного никто этих самых демонов и в глаза не видел. Да и он сам, если уж на то пошло, слышал эту историю только из уст лукавого владыки.

Мертвецы продолжали тянуть свою песнь, шелестя сухой кожей. Они склоняли головы, словно прислушиваясь к пению соседей и поводили плечами, помогая себе держать ритм.

И Конан расхохотался. Эти беззвучные рулады, как не крути, все-таки выглядели довольно потешно.

Гекатонхейр, не прекращая петь, повернулся всем пятьдесят голов. Варвару почудился пристальный взгляд в пустых глазницах. Конан оборвал смех и покрепче ухватил рукоять меча. Настоящий это Гекатонхейр или нет, но все равно в этом подземном чертоге стоит быть начеку.

Мумии стали расступаться по обе стороны, открывая дорогу в центр зала. Когда они остановились, Конан увидел вдалеке огромную фигуру. Варвар прищурился, пытаясь разглядеть вероятного противника. Несомненно, перед ним стояла мумия, но от прочих мертвецов ее отличал не только гигантский рост, но и прекрасно сохранившиеся длинные седые волосы, заплетенные в косу. А у его свиты черепа были голые, покрытые сморщившейся матовой кожей, по ним скользили блики красноватого света.

В иссохшей руке гигант держал длинный меч, потемневший от ржавчины. И вся его поза, излучавшая спокойную, тысячелетиями накопившуюся ненависть, не предвещала ничего хорошего нарушителю покоя.

Послышился скрежет.

Конан невольно вздрогнул.

Гигант сделал шаг и его изъеденный ржою меч, стукнув о каменный пол, высек искры.

Еще шаг.

Мертвец направлялся вперед, явно желая расправиться с чужеземцем, посмевшим осквернить ритуал Песни Тишины.

— Кром, ты видел, я не хотел этого! — зарычал Конан.

Не любил он сражаться с мертвецами.

Мертвец не способен умереть, потому что уже мертв. Он не цепляется за жизнь, потому что уже ее потерял. Он сражается, механически как зингарская марионетка — не сбиваясь с первоначального ритма, и не боясь получить ранения.

Неожиданно гигант с косой перешел на бег. Терцию назад он двигался, словно плыл в стоячей воде, но спустя мгновение — вдруг бросился вперед, стремительно, как камень, из пращи.

Конан отпрыгнул от красных занавесей — и тяжелая ткань скрыла от него Гекатонхейра. Но ненадолго. Послышился треск — и темный от ржавчины меч прорезал ветхое полотно. Мертвец взмахнул клинком и клочья ткани закружили в спрятом воздухе подземелья.

На мгновение длинноволосый остановился. Рядом с ним показался отряд из десятка мумий поменьше, вооруженных ржавыми алебардами. Они выбежали и застыли по обе стороны от своего предводителя. Он покрутил головой и медленно поднял руку. Острия алебард нацелились на киммерийца.

Конан слегка наклонился и повел клинком перед собой. Важно не пропустить удар. Ржавый меч, опасен вдвойне. Даже крохотная царапина может привести к тому, что в крови начинает полыхать огонь Архона, — болезнь куда коварнее самых страшных ран.

Мертвец со свистом рассек мечом воздух. Варвар отскочил в сторону и лезвие лязгнуло о плиты пола. В сторону полетели брызги.

Гигант с недоумением безуспешно взглядался в пронзенную пустоту. Наверное, когда-то он был хорошим воином, может даже гораздо лучшим, чем Конан сегодня, но с тех пор прошло слишком много времени. Кроме того — тело мумии, пропитанное стигийскими бальзамами и высущенное временем, потеряло былую гибкость...

Конан подпрыгнул, и, вылетев из тени, обрушился на сгорбленную спину мертвого солдата. Вскарабкавшись ему на плечи варвар поднял двумя руками меч над головой и что есть сил вонзил его в сухую шею воина. Мертвец завертелся на месте, пытаясь сбросить дерзкого пришельца. Но тщетно. Двумя ловкими движениями Конан отсек голову мумии и спрыгнул на пол, подняв тучу брызг. Отрубленная голова покатилась по полу и, оставляя вихревой след на стоячей воде, ткнулась в ногу варвара. Мертвец постоял еще несколько мгновений, опираясь на меч, а потом рухнул.

Алебардщики бросились на Конана. Тот подхватил меч падшего и метнул в своих врагов. Тяжелый клинок, вращаясь в воздухе, играючи расчленил мертвецов. Одному отсек голову, другому — руку, третьему — раскрошил ребра.

Удар оказался неплох.

Тroe из десятка перестали существовать. Конан с удовлетворением отметил про себя, что оказывается даже мертвые тела могут обратиться в прах. Если, конечно, им помочь при помощи доброй стали.

Конечно — сражаться с мертвецами не самое подходящее дело для настоящего воина. Но, Кром, почему эти мертвецы, вместо того, чтобы мирно лежать в земле, перевариваться в желудках зверей и рыб, или стать пеплом на костре — размахивают ржавыми пиками и пытаются осложнить жизнь честным людям?

Он полоснул мечом ближайшую мумию, отсек ей руку и выхватил алебарду из отрубленной конечности. Через мгновение он вонзил свой трофей в грудь другого мертвеца. Не дожидаясь, пока тот упадет, варвар выдернул алебарду из крошева ребер и метнул ее в парочку приближившихся бойцов.

Почувствовав, как ему заходят за спину, киммериец резко обернулся и перерубил позвоночник очередному врагу.

Тroe оставшихся мертвецов сгрудились в стороне, беспорядочно размахивая алебардами.

Северянин погрозил им кулаком, не спеша подошел к поверженному противнику, вынул из мертвых пальцев алебарду и метнул ее в троицу.

Острое алебарды с хрустом раскрошило череп левого.

Падая, он задел двух других и те заскрипев костями, рухнули на пол, подняв тучу брызг. Не дожидаясь, пока они опять поднимутся, варвар, подскочил к груде высохших тел и несколько раз широко рубанул мечом, особо не разбирая, куда попадает.

Покрутив головой Конан приметил ближайший треножник и, подскочив к нему, выдернул факел. Треножник упал с медным гулом. Варвар перепрыгнул через него и подбежав к мертвым воинам, вонзил горящий факел прямо в месиво тел.

Высохшая плоть мгновенно вспыхнула. Через мгновение па месте побоища уже полыхал огромный костер, отблески пламени которого змеились по темной воде.

Оставшиеся тридцать девять голов Гекатонхейра вдруг прервали Песнь Тишины и стали медленно подниматься со своих мест. Перед лицом варвара замелькали мечи, топоры, боевые молоты, бичи из кожи элефанта, круглые кистени с острыми шипами. Мертвая стая потянулась в сторону киммерийца.

Атака началась.

Конан поднял алебарду и метнул ее в нападавших. Удар получился настолько сокрушительный, что прошел сквозь грудь бойца с топором и вонзился в шею стоявшего за ним воина, крутившего кистенем. Падая, первый мертвец, потянул собственным телом алебарду — и голова соратника с хрустом отделилась от плеч.

Напиравшие сзади, споткнулись о поверженных. Строй сломался. Замелькали обтянутые кожей конечности, головы с пустыми глазницами, клетки ребер, остатки тусклых волос.

Не теряя времени, Конан яростно обрушился на своих врагов. Засвистел меч, перемалывая своим темным лезвием сухой букет костей.

Хруст.

Свист клинка.

Шлепки по воде.

Отдаленное эхо.

И надо всей этой мешаниной звуков вдруг прогремел боевой клич варвара, сокрушавшего своих демонических противников.

Это была странная битва. Без криков раненых и крови. В какие-то мгновения Конану стало казаться будто он рубит дерево. Мертвый лес из человеческих костей и остатков плоти вместо листвьев.

Но нападавших было чересчур много и Конан понял, что начал терять силы.

Но варвар не собирался ждать, пока силы окончательно оставят его. Он кинулся на воина с бичом, выхватил его страшное оружие с вплетенными металлическими кольцами и шипами.

Удар.

Еще удар.

Бич со свистом рассекал сухие черепа, позволяя киммерийцу оставаться неуязвимым для клинов врага. Конан поиском взглядел очередной факел. Кром, слишком далеко. Не успеть. Стоит ему перестать хлестать тяжелым бичом, как атака мумий возобновится и они просто сомнут его грудой тел.

Северянин понял, что пора отступать. Швырнув бич в нападающих, он крепко сжимая в руках меч, стремительно кинулся наружу сквозь анфиладу комнат, к залу с базальтовыми воинами.

Оставшиеся мумии неслись за ним следом. Шелест от их движения достиг такой силы, чтоказалось, с неба просыпалась стая саранчи.

Приблизившись к саркофагу, Конан на мгновение остановился и с усилием провел по его поверхности клинком. Как и в прошлый раз включился древний механизм — и ворота стали медленно закрываться. Один из мертвецов, понимая, что их враг ускользает, поднял меч и просунул между створками. Мумии поодиночке стали проникать через узкую щель.

Достигнув статуи рогатого бога, Конан остановился, чтобы перевести дух. В этот момент от толпы преследователей отделился мертвец, вооруженный молотом. Он стремительно подскочил к киммерийцу и нанес ему сокрушительный удар.

Если бы перед варварам был живой боец, то Конан уже валялся бы на полу с раскроенным черепом. Но скорость движения мертвых сочленений уступала реакциям тела из плоти и крови. Конан в последнее мгновение успел отпрянуть и тяжелый боевой молот, промахнувшись, ударил по мечу каменной статуи, переломив его. Следующий удар, предназначавшийся варвару, тоже не попал в цель, а пришелся по ноге статуи.

Послышался треск. Каменный исполин зашатался и стал медленно крениться вбок.

Краем глаза Конан успел уловить это движение и попытался отпрыгнуть в сторону. Поскользнувшись на залитом водой полу, он упал и проехал в угол зала на собственной спине.

Гигантская статуя рухнула на пол. Часть нападавших оказались погребены под ее обломками. Гул от ее падения стоял такой, что Конан невольно зажал уши.

Оставшиеся головы Гекатонхейра наконец сумели пробраться в зал базальтовых воинов. Меч, которым были заклинены ворота, сломался, и одного мертвеца раздавило сомкнувшимися створками.

Светильники продолжали двигаться в пазах, когда Конан бросился в атаку на мертвых воинов. Несколько стремительных движений, десяток отрубленных голов и отсеченных конечностей и можно двигаться к выходу. Нужно успеть выбраться из подземелья — силы слишком неравны. Еще пара-другая терций и он не будет в состоянии отразить даже выпад ребенка.

Мертвецы неотступно следовали за ним.

Сражаясь и убивая, Конан оказался в коридоре, а потом и на лестнице, ведущей из подземелья в башню. Вскочив на первую ступеньку, Конан обернулся и отразил удар мечом. Потом — второй. Его мертвый противник искусно бился двумя короткими кривыми мечами, так что варвару пришлось удвоить осторожность.

Конан уклонился от очередного выпада, но усталость взяла свое — он потерял равновесие, и упал. Варвар уже приготовился предстать перед Кромом, по вдруг нападавший, словно бы забыл про Конана и перешагнув через поверженного варвара, заспешил туда, откуда раздавался знакомый голос.

— К бою, мастер! Вот для тебя и появилась работенка! — донеслось до ушей киммерийца.

Торквал, великан с боевым молотом, метнулся вниз по лестнице, навстречу мумии с двумя мечами. Но следом за мертвым врагом поспешили еще двое: один вооружен топором, другой — молотом, почти таким же, как у Торквала.

— А вот этот мой! — воскликнул Сфирос, размахивая своим странным мечом.

Торквал не стал возражать. Противников в подземелье было так много, что славы должно хватить на всех.

Два молотобойца сошлись в едином ударе. Но стальные мускулы живого воина оказались сильнее. Молот Торквала с хрустом пробил грудь восставшего трупа и перемолол в пыль его ребра.

Останки, покрытые пергаментной кожей скатились вниз.

— Скучно сражаться с мертвыми, — сплюнул Торквал.

Воодушевившись примером соратника, Сфирос с гортанным криком пронесся вниз. Его волнистый меч со скрипом вошел в череп мертвого врага. Коротышка толкнул ногой поверженного противника и когда его кости рухнули вниз, победоносно стукнул себя в грудь кулаком.

Тем временем Торквал занялся вторым. Он играючи отразил удар топором, и что есть силы пнул ногой в чресла мертвеца. Конечно, никакой боли он Причинить ему не смог, но зато сумел нарушить равновесие. Мумия пошатнулась на краю ступеньки, пытаясь удержаться на ногах. Гигант не стал дожидаться, пока тому это удастся и обеими руками толкнул его в грудь. Мертвя тварь упала спиной вниз, развалившись на несколько кусков.

Рука с топором все еще шевелилась. Торквал наступил на нее — и несколько раз деловито ударили молотом, превращая конечность в крошево.

— Мы лучшие, Торквал! — заверещал Сфирос, вздымая клинок вверх.

— Заткнись и бейся! — воскликнул Торквал, видя, что по лестнице приближаются другие мертвецы.

— Ты прав, мой друг! — вздохнул Сфирос, и развернулся навстречу врагам.

Увы, совет запоздал. Один из мертвецов сумел подобраться на расстояний удара. Сфирос попытался отразить молниеносный выпад, но не успел. Острье ржавого меча вошло в левую половину его груди и вышло из спины. Волнообразный клинок, видавший сотни битв, выпал из ослабевшей руки Сфироса и зазвенел по ступеням.

Мертвец выдернул меч — и маленький воин упал навзничь. Кровь залила каменные ступени.

— Эй, коротышка, держись!.. — заорал Торквал, отражая удары мертвецов.

Воин, убивший Сфироса, бросился к Торквалу.

Из залитого водой зала по коридору спешили мертвецы. Когда они достигли лестницы, Конан был уже на ногах, в полной боевой готовности. Он отразил атаку одного, потом другого. Но несколько воинов пробежали мимо варвара, вверх по ступенькам.

Он услышал вверху вопли и тяжелое дыхание живых. Потом раздался звук пронзаемой плоти, и дыхание одного из бойцов прервалось. Конан понял, что это был коротышка.

— Держись, Торквал! — крикнул Конан. — Я иду!

— Займись лучше делом, варвар! Мне не нужна помощь!

Некоторое время гигант бился молча, а когда выдалась небольшая передышка, прокричал:

— Откуда ты знаешь мое имя, северянин?

Конан замешкался с ответом, срубая голову очередному иссохшему молотобойцу.

— Я заметил, как вы шли за мной, и слышал, ваш разговор!

— Я так и знал! — захотел Торквал. — У Сфироса был слишком длинный язык!

— Ничего, — заметил Конан. — Зато теперь его язык укоротили на целую голову!

Торквал бросил взгляд на тело напарника. Киммериец оказался прав. Один из мертвецов, отрезал Сфиросу голову, и теперь, помахивая ей, словно гордясь трофеем, приближался к Торквалу.

Гигант зарычал от ярости и бросился ему навстречу, но Конан опередил воина. Свистнул меч и правая нога мумии покатилась по лестнице. Пальцы его разжались. Голова незадачливого болтуна выпала и запрыгала вниз по ступеням, навстречу поднимающейся толпе неживых.

Конан проводил ее взглядом.

— Оставь! — закричал Торквал. — На Серых Равнинах голова она ему не понадобится!

Гигант отступил наверх. Конан последовал за ним. Молотобоец ловко взбежал по упавшей одним концом вниз балке перекрытия, обернулся и протянул руку киммерийцу. То сделал вид, что ничего не заметил и взобрался на возвышение без чужой помощи.

Торквал пожал плечами.

В коридоре от башни к тронному залу на стенах висели полуистлевшие гобелены, рисунок на которых разобрать было уже невозможно.

Торквал, обернулся.

— Эй, киммериец, берегись!

Конан повернулся назад. К ним мчался мертвец. Не добежав десятка шагов, он вдруг прыгнул на стену, оттолкнулся от нее, долетел до противоположной, и вцепившись в гобелен, понесся по нему, словно огромный паук.

Высохшая мумия, лишенная внутренностей, была очень легкой и ей под силу было то, чего живые делать не могли. Мертвый боец снова оттолкнулся от стены, почти достиг потолка — и полетел вниз, на Конана, выставив перед собой двойную секиру.

Конан отскочил. Топор мертвеца вонзился в каменный иол, выбив из него сноп искр.

Удар был столь силен, что древко надломилось. Но увлеченный боем мертвец не заметил этого. Он рванул топор на себя. Обоюдоостре лезвие окончательно отломилось от древка и вошло ему в лоб. Мертвый стал дергаться, пытаясь выдернуть. Конан прекратил эту жуткую пляску точным ударом меча.

— Они мне не нравятся! — заявил Торквал.

— Они не нравились даже богам, — согласился Конан. — Но, слава Крому, их осталось совсем немного.

Конан и Торквал отступили в тронный зал.

Мертвые воины устремились к ним. Гиганта окружило пять мумий, а Конану досталось трое. Они уже не нападали поодиночке.

— Эй, Торквал, — крикнул Конан, — похоже эти твари чему-то научились. Те, первые были глупее!

Гигант не ответил, шумно сопя, он крошил черепа обитателей подземелья.

Мумии кружили вокруг Конана, дожидаясь удобного момента, чтобы напасть. Наконец, один из бойцов решил, что настал удобный момент, и сделал выпад. Но меч киммерийца был быстрее — он пронзил мертвое тело насеквоздь.

Другой воин атаковал Конана спереди, посчитав, что варвар замешкается, вытаскивая клинок, застрявший в чужой плоти. Но ошибся.

Конан выдернул меч и ловко рубанул. Хрустнул позвоночник и мертвое тело переломилось пополам. Верхняя его часть, продолжая размахивать боевым топором, по инерции понеслась к киммерийцу, но он встретил ее хорошим ударом кулака в лоб. Последний из троицы попытался сделать ложный выпад, но тщетно — клинок киммерийца превратил его в груду сухих обломков.

Конан утер пот со лба и оглянулся.

— Торквал! Кром! Торквал!

Северный гигант лежал в луже собственной крови. Из его спины торчал топор, живот был разрезан до груди. Взгляд его постепенно мутнел — жизнь покидала некогда сильное тело.

Конан рванулся ему на подмогу, но помочь Торквалу уже было невозможно. Последние четыре головы Гекатонхейра с тупой сосредоточенностью мясников рубили останки Торквала на мелкие кусочки, словно разделявая кабанью тушу.

Конан сунул меч в ножны, с рычанием схватил длинную скамью и бросился на врагов. Край скамьи снес голову одному из бойцов, но другие тотчас оценили обстановку и разбежались в стороны. Конан поскользнулся на крови Торквала — и едва не свалился в провал в полу. Пытаясь удержать равновесие он замахал руками. Ему пришлось выпустить скамью, и она с грохотом упала вниз, в подвал.

Пытаясь воспользоваться ситуацией, мертвый воин бросился к варвару, вращая боевым молотом.

Варвар не стал доставать меч. Он просто чуть посторонился и когда мумия поравнялась с ним, дал ей хорошего пинка.

Мертвец рухнул в отверстие. Конан услышав звук падения, удовлетворенно хмыкнул и отбросил прядь волос со лба.

Он огляделся. Пол устилали отрубленные конечности, сломанные ребра и проломленные черепа. Похоже битва подходила к концу.

Осталась последняя голова Гекатонхейра и его последняя пара рук.

Конан отступил в сумрак колонн. Последний из преследователей приближался, взбегая по стенам и спрыгивая с потолка.

Варвар пытался следить за ним взглядом, но тварь была чересчур проворна и варвара это утомило.

В конце концов любой бой нужно вовремя закончить. Конан замедлил движения, сделал вид, что потерял из виду врага — и стал растерянно озираться.

Узрив беззащитную спину противника, мертвец бросился на него, но в решающий момент северянин ловко извернулся — и всадил свой клинок, в живот твари.

— Последний! — подытожил Конан и потянулся за баклажкой.

XVIII

Конан разорвал Круг.
Сделал то, что от него ждали жители Терена.
Вечность остановилась.

Песчинки мгновений устремились сквозь внезапно расширившееся горлышко слюдяных часов. И ветер перемен, до этого медливший тысячу зим, обрушился на город, словно мифический зверь таннин, упавший с неба.

Черный хвост времени хлестнул по мертвому дворцу. Строения, поросшие кустарниками и травами, задрожали, и с их кромок посыпались мелкие камушки, а потом стены зазмеились трещинами и стали разваливаться.

Башня мертвой половины дворца зашаталась, будто мачта корабля, схваченного кракеном. Вниз полетели камни. Кости и черепа в круглом пруду зашевелились. Но не потому, что колебалась почва. Что-то большое и живое расталкивало груду костей, поднимаясь из-под земли.

Показалась голова.

Крыло.

Второе.

И вот уже большая черная птица сидела на груде черепов и, наклонив голову, рассматривала Конана круглым желтым глазом.

Волна разрушения устремилась вширь от храма, расходясь как круги по воде. Люди с криками выскакивали из своих жилищ, забывая про свой скучный скарб. Да в этом и не было необходимости: сундуки с драгоценными тканями распадались в труху, золото превращалось в черепки, а самоцветы становились песком.

Терен напоминал муравейник, охваченный огнем. Только никакого пламени не было. Невидимый, неслышный, неосязаемый шквал времени метался по городу. Времени, которое сорвалось с цепи, как дикий зверь, и пожирало все, попадалось на его пути.

Меч у палача был настолько тяжел, что когда он поднял его первый раз, ему показалось, что сейчас у него отвалятся руки. Толпа замерла, глядя, с каким трудом орудие возмездия отрывается от земли. Мальчишки принялись свистеть и улюлюкать.

Но старик твердо вознамерился исполнить свой долг. Руки и плечи его дрожали, рот был приоткрыт. Он бормотал молитву небожителям, надеясь, что Солнцеликий смируется и вдохнет в его дряблые жилы хотя бы малую толику силы.

Наконец, старику удалось поднять меч на достаточную высоту, но старческие руки в пигментных пятнах не выдержали и тяжелый клинок со свистом опустился вниз прямо на шею жертве. Раздался глухой удар, меч отскочил от шеи, но голова осталась на месте. Вор завопил.

Толпа ахнула.

— Да кто ж так рубит! Сильнее, отец, сильнее! Крепче держи меч, сделай хороший замах и попробуй еще раз! У тебя получится! — послышался голос, до боли знакомый незадачливому вершителю правосудия. Много лет он не слышал его.

Датарфа! Его девочка.

Она пришла насладиться его триумфом.

— Руби! Руби! — завопила толпа.

Палач вновь поднял меч, и вдруг почувствовал, что он стал еще тяжелее. Он украдкой посмотрел вверх и вздрогнул. На острие меча, шумно взмахивая крыльями, пыталась усидеть большая черная птица с лоснящимся оперением.

Толпа ахнула громче.

Палач встрихнул мечом, но наглое создание лишь громче захлопало крыльями, не покидая свой насест.

Он с силой опустил меч на шею вора — на середине пути птица сорвалась с места и улетела, но удар был безнадежно испорчен. Вор снова завопил.

— Руби, руби! — кричали кругом.

Палач проводил улетающую птицу взглядом — и вдруг увидел то, чего не могло быть. Черная башня мертвой половины дворца задрожала и начала шататься. Старик помотал головой, пытаясь избавиться от наваждения. Но башня продолжала раскачиваться и ее черный силуэт колебался, как будто его окружало полуденное марево.

Раздался грохот. Теперь шаталась не только башня. Дома вокруг площади стали крошиться и рушиться.

Люди возле эшафота больше не кричали «руби». Они вопили от страха.

Вор встал, поворачивая пораненной шеей.

— Я больше не хочу умирать от старости, — заявил он. — Это слишком мучительно. Оказывается Старость не в состоянии даже ударить как следует. У Старости слишком слабые руки, уже не способные обрывать нити жизни. Поэтому я передумал. Теперь я умру не от Старости, а от Молодости!

И он толкнул палача, одновременно выхватив у него меч.

Старик упал и сжался в углу эшафота. Стигиец поднял клинок, развернул его острием к себе и принял не спеша перепиливать собственное горло.

У него это получилось лучше.

Всего несколько движений и голова злодея слетела с плеч и, стукнувшись о плаху, подмигнула палачу.

— А меч ты наточил неплохо, — успела сказать голова, прежде чем начала разлагаться.

Косоглазый Арфаст лежал в постели и смотрел в потолок, на котором были изображены дерущиеся рыбы. Это были большие рыбы с плоскими мордами и маленькими глазками. Рыбы схватились в суровом и красивом поединке, по прихоти художника, симметрично расположившись друг к другу.

Арфаст когда-то сам изучал геометрию и даже пару лун провел в школе Мастера Росписи. Но за нерадивость его выгнали. Малый любил спать, и не мог не опаздывать. Кроме того, косые глаза все время его подводили и рисунки получались слегка кривыми. В конце концов, Мастеру это надоело и он, призвав все проклятия на голову дурного ученика, хорошим пинком указал ему на дверь.

Странно было находиться в доме дочери палача. Она лежала рядом и мирно посапывала, положив тяжелую руку на грудь своего возлюбленного. Арфасту было тяжело. Он дышал с трудом, но не смел снять руку, чтобы не обидеть почтенную женщину. Потом, может быть, и следует проявить своенравие, но в первую ночь этого делать не пристало.

Арфаст видел Меропу и раньше. Видел, когда был еще мальчишкой. Уже тогда Меропа отличалась от остальных дев. Другие были худосочными, а дочь палача дразнила взор аппетитными формами и была сдоброй, как сладкая медовая лепешка. Арфаст всегда хотел ее потрогать. Но боги не даровали ему такой возможности. Из-за своего косоглазия Арфаст был робок, словно мышь. Он пытался обратить на себя внимание тучной крастоки и краснея и смущаясь, прилежно покупал у нее мясо. Но Меропа исправно продавала ему сочную вырезку, но отказывалась замечать пламенные взгляды воздыхателя.

Наконец, ему повезло. Он смотрел на красавицу рядом с собой и едва верил свалившемуся счастью. Она безумно хотела его, и когда дело дошло до ложа, почти свирепо содрала с него одежду. При воспоминании об этом его сердце вновь сладко забилось.

Он все еще пребывал в блаженном состоянии, когда с улицы раздались вопли, в которых сквозили неподдельные ужас и боль.

Арфаст встрепенулся.

Рыбы на потолке вдруг зашевелились.

Посыпалась штукатурка.

— Меропа, Меропа! — вскричал Арфаст. — Проснись!

Меропа со счастливой улыбкой открыла глаза.

— Возлюбленный мой, — еще сквозь сон произнесла она. Потом нахмурилась и пристально уставилась на мужчину.

Она смотрела, будто не узнавала его.

— Это я, Арфаст, — тихо пробормотал бывший ученик Мастера.

Меропа сняла руку с его груди и приподнялась на локте. Ее тяжелая грудь заколыхалась словно бурдюк, наполненный зрелым вином.

— Любимая! — воскликнул Арфаст и, не в силах более сдержаться, страстным поцелуем прильнул к огромному коричневому соску.

— На улице крики! Слышали? — пробормотал он, с трудом отрываясь от предмета своего вожделения. И вдруг почувствовал, что кровать под ними словно ожила. Она принялась раскачиваться и проседать, дерево заскрипело. Шелковая подушка, набитая мягчайшим пухом, стала жесткой, как солома.

— Меропа! Что это? — завопил смертельно напуганный Арфаст.

— Мяса, я хочу мяса! — тупо промолвила торговка и вонзила крепкие зубы в плечо Арфаста. Он заорал и попытался оттолкнуть дочь палача, но поздно — та вцепилась мертвой хваткой. Боль застила Арфасту разум. Он с ужасом посмотрел на плечо из которого хлестала кровь. Его возлюбленная сидела на раскачивающимся ложе, грозная словно богиня Кали, принимающая кровавую жертву. С ее губ, жующих свежее мясо, стекала кровь.

Арфаст очнулся и, истощно завопив, попытался сползти с кровати.

Меропа поймала его за щиколотку и, не обращая внимание на его вопли, втянула обратно на ложе. Приблизив к нему свое лицо с бешеными белками глаз, она сделал резкий выпад и откусила нижнюю губу бедняги.

— Вкусно, возлюбленный мой. Вкусно! — повторяла она, будто в забытьи.

— Меропа... — прошептал Арфаст остатком рта.

В закатившихся глазах дочери палача полыхнуло пламя и она, с ужасным воем набросилась на свою жертву.

Арфаст с побагровевшим от натуги лицом пытался исторгнуть из себя хотя бы один-единственный крик. Но звуки застряли в горле, словно он проглотил колючую рыбку тхану. От кровати уже остались одни обломки, покрывала превратились в лохмотья, а Роспись на потолке полностью осыпалась.

Дверь в спальню Меропы вдруг распахнулась, и на пороге появился судья Ахупам. Он был обнажен по пояс, и в руке его был меч. Глаза сверкали огнем, а изо рта текла кровавая пена.

Меропа мгновенно соскочила с Арфаста, и искусанному возлюбленному все-таки удалось вдохнуть немного воздуха. Правда, облегчения это не принесло, потому что мгновение спустя его собственный нос сделался мягким, как сгнившая груша.

— Я не звала тебя! — закричала Меропа и бросилась к судье.

Ахупам взмахнул мечом, в полной уверенности, что услышит хруст разрезаемой плоти. Но раздался только свист воздуха. Несмотря на тучность, дочь палача была весьма проворной. Она схватила руку судьи и шутя сломала ему запястье. Ахупам завопил от боли тоненьkim, как у птенца голоском. Дочь палача вырвала у него меч и ловким движением перерезала толстяку горло.

— Он был плохим судьей, — покачала головой торговка.

Тело Ахупама со стуком упало на пол. Кровь из рассеченной гортани брызнула на стену.

— Жди меня, возлюбленный, — крикнула Меропа и взбежала из спальни.

Вряд ли Арфаст ее слышал. Потому что вслед за носом внутрь черепа провалились и его уши. Еще миг — и его тело стало похоже на тающий воск. Терция — и от ученика Мастера Росписи осталась только влажное пятно на истлевшей ткани.

Меропа сбежала по лестнице вниз и увидела двух подростков, слуг Ахупама. Один держал опахало из страусиных перьев, а второй — серебряное блюдо с виноградом. Оба выглядели настолько нелепо, что Меропа не смогла удержаться от хохота.

Давясь от смеха она взяла кисть винограда и поднесла к окровавленному рту.

— Никогда не видел голых женщин? — осведомилась она, глядя прямо в глаза мальчишке.

Тот оцепенел от ужаса, не сводя глаз с меча судьи, лезвие которого было покрыто алыми пятнами.

Попробовав ягоды, она сморщила лицо в гримасе отвращения, и смачно сплюнула:

— Есть невозможно, — сообщила она, и точным движением снесла подростку голову.

Лицо на покатившейся голове ничуть не изменило выражения.

На второго слугу Меропа не стала тратить время. Схватив отрубленную голову за курчавые волосы, она отправилась к месту казни. Пусть ее старик-отец порадуется, увидев, как его девочка ловко управляетсся с мечом.

Царь Нилам сидел на троне, чуть наклонившись вперед. Перед ним танцевала обнаженная девочка-подросток, высокая и тонкая, с золотистыми кудрями, зелеными глазами и подвижными бедрами. Но царя она уже не волновала. Спору нет: ее гладкая нежная кожа, благоухающий рот, быстрый острый язычок, робкие прикосновения, глупый смех — были прекрасны, но это было в прошлом, а владыка с нетерпением ждал будущего. Оно уже готово было распахнуть окна и двери, и бесцеремонно ворваться в монотонную жизнь.

Лицо царя было сосредоточенным. Он чувствовал, как Грядущее рождается из глубин мертвой половины дворца, как Время, давно превратившееся в лед, готово растаять от жара новых мгновений.

Вдруг девочка-подросток сбилась с ритма.

Нилам нахмурился.

Танцовщица остановилась и испуганно посмотрела на потолок. Потом ее детские губы изогнулись в робкой улыбке.

Царь проследил за ее взглядом и увидел птицу.

Большую черную птицу с блестящим, лоснящимся, оперением. Птица металась, шумно хлопая крыльями, не в силах найти путь на свободу.

«Вот так и моя душа бьется в клетке бесконечно повторяющегося времени», — подумал владыка Терена.

— Черная птица! — визгливо воскликнул юноша, сидевший у подножия тропа.

Царь медленно встал.

Он смотрел на крылатую тварь, и не мог оторвать от нее взгляда. Из соседних залов послышались вопли. Пол вдруг заходил ходуном, по нему змеились трещины.

— Птица убивает нас! — заголосили подданные.

И в крылатое создание полетела посуда и куски пищи. Несколько трещин на потолке устремились навстречу друг другу, и через мгновение сошлись в одной точке. Раздался хруст. Вниз посыпались камни и дресва. И в месте пересечения изломов появилась дыра.

— Царь! — воскликнул шут.

Нилам опустил голову и увидел у своих ног уродца, который скршивал ему однообразные будни. Карлик лежал на животе, изображая, будто барахтается в воде.

— О, могущественный из смертных, спаси нас! — глумливо заверещал шут. Но огромный кусок потолка оборвал его возглас — обрушился на спину и сломал позвоночник. Раздался шлепок, какой бывает, когда псам кидают на плиты пола сырое мясо, и из-под карлика стала растекаться кровавая лужа.

Прошло всего несколько мгновений — и труп карлика стал выглядеть, так, как будто он пару лун пролежал в воде. Раздавленное тело распухло, кожа местами полопалась. Один глаз вывалился из глазницы и болтался на кровавой ниточке возле рта с крошевом зубов.

Юная танцовщица, застывшая в последнем движении, истошно закричала.

Мертвый карлик повернулся к ней.

Девушка, обезумев от ужаса, споткнулась о вздыбившуюся плитку пола и упала. Железные пальцы мертвого шута сомкнулись на ее лодыжке.

Юная плясунья взвизнула и попыталась вырваться. Рядом с ней грохнулся кусок потолка, осыпав точеную головку белой известкой. В беспамятстве девушка подняла его обеими руками, и, размахнувшись, опустила на череп шута. Раздался противный треск. Мозги брызнули в

стороны. Девочка вскочила, оторвав шуту руку, которая все еще цеплялась за ее щиколотку, и бросилась прочь.

Царь спрыгнул с трона.

— Царь покидает нас! Мы обречены! — завопила служанка, стоявшая у трона с кувшином в руках.

Царь с удивлением обнаружил в своей руке золотой кубок. Он совсем забыл, что пил вино. Кубок был пуст.

Нилам усмехнулся и опустился на трон.

— Успокойтесь, презренные! — загремел его голос. — Ваш повелитель остается с вами!

Круг времен разорван. Древнее пророчество сбылось!

Он протянул кубок съежившейся рабыне.

— Налей мне вина, женщина! Я хочу выпить за Исход Гекатонхейра!

Служанка тряслась от ужаса, руки ее дрожали, и пытаясь наполнить царский фиал, расплескала драгоценное вино на землю.

В иную пору ее приказали бы высечь за дерзость, но сейчас владыке было не до таких мелочей.

Нилам понял, что северный варвар исполнил порученное. Древняя тварь Гекатонхейр, был умерщвлен — и время покатилось по улицам Терена.

Не дожидаясь, пока служанка наполнит кубок, царь отбросил его — и выхватил у служанки кувшин. Запрокинув голову, обливаясь, он опустошил сосуд до дна.

— Подай мне меч! — воскликнул он, отшвырнув сосуд в сторону.

Рабыня метнулась за трон, и с трудом вытянула длинный меч из ножен. Царь с усмешкой наблюдал за ней. Она держала меч двумя руками, не зная, как его подать своему повелителю.

— Ну, что же ты? — изогнул бровь Нилам.

Девушка опустила меч острием в пол — и перехватила его за лезвие. Кровь потекла из ее ладоней. Сжав зубы от боли, она все-таки подняла меч и протянула рукоятью к царю.

Он выхватил оружие рывком, так что рассек ее ладони до костей. Брызнула кровь. Служанка вскрикнула. Царь быстро поднял меч — и одним ударом снес ей голову.

— Ты скверно держала меч, женщина, — вздохнул владыка Терена.

Голова покатилась в сторону толпы придворных, которые уже сцепились между собой в драке. Люди бились, не разбирая, кто мужчина, кто женщина, кто молод, кто стар. Все были одинаково беспощадны и яростны. Дрались всем, что попадало под руку — посудой, ножами, серебряными кубками, глиняными кувшинами со сладким вином. Царь, смеясь, сбежал по ступеням, и принялся крошить подданных мечом, отсекая руки, ноги, головы. Иногда лезвие вспарывало подданным животы — и тогда становилось видно, какая мерзость таится внутри бренного человеческого тела.

Шатаясь от усталости, Конан спустился по ступенькам разваливающегося дворца, обогнул пруд, заполненный черепами, и вышел на площадь, как раз в тот момент, когда стена живой половины дворца обрушилась. По площади, как обезумевшее стадо метались нищие.

Голый грязный ребенок со спутанными черными волосами, бежал не разбирая дороги, наткнулся на Конана, зарычал, словно пес, и вцепился в ногу северянина. Конан поймал ребенка за волосы, с трудом оторвал от собственной ноги и поднял перед собой на вытянутой руке. Это была девочка. Теперь она жалобно хныкала.

— Отпусти! — пролепетала она.

Копан разжал пальцы. Малышка шлепнулась наземь, вскочила, отряхнулась. Потом встала на четвереньки, и вновь вцепилась варвару в лодыжку.

— Кром!

Резким движением он стряхнул маленькую дикарку. Девчушка отскочила и ее затрясло, словно в нее вселился демон. Ее худенькое тельце выгнулось, заходило ходуном. Казалось, что под ее кожу забрались сотни червей. Кости размягчились и стали гнуться.

Всего через несколько мгновений, ребенок превратился в мохнатое существо, с тонкой гусиной шеей и острыми ушами. Тварь оскалила зубы на Конана и метнулась в сторону. Стоило киммерийцу потянуться за мечом, как оборотень с угробным рычанием ускакал прочь.

Варвар бросился за ним и двумя ударами меча расправился с монстром. Кем бы ни было это создание, какие бы Темные силы не вызывали его к жизни, ему не следовало кусать Конана за ногу.

Конан вытер клинок о тусклую шерсть твари и огляделся. Погоня за монстром привела его на площадь Терена. В центре площади красовался дощатый помост с плахой, а возле него бесновалась толпа.

По эшафоту металась странная фигура, которая размахивала двумя предметами: отрубленной человеческой головой и мечем.

— Остановитесь, несчастные, иначе вас ждет смерть! — вопила она. Из толпы в нее летели нечистоты, обломки и черепки разбитой посуды.

— Ты не можешь лишить жизни даже себя! — кричали горожане. — Ты дряхл! Руки твои не способны держать меч! Ты опозорил наш город, не сумев покарать злодея! Ты слаб, как младенец! Спрячься в выгребную яму, старик, ты не смеешь смотреть в глаза добрым людям!

— Отец, отец! — раздался грубый женский голос с противоположной стороны площади. — Держись! Я иду к тебе!

Конан узнал ее. Это была та самая торговка, которая затеяла свару на рыночной площади, но сейчас она выглядела так, как будто сам Нергал призвал ее к себе в услужение. Она было совершенно обнажена, на губах ее запеклась кровь, а в огромном руке она сжимала отрубленную голову, которая качалась в так ее грузным шагам.

— Меропа! Дочь моя! — возбужденно заголосил старик на эшафоте. Глаза его увлажнились.

— Отец! — раздался вопль с другой стороны. Он принадлежал Датарфе.

Расталкивая толпу, дочь палача двигалась к центру площади. Конан усмехнулся. И эту женщину от также встречал. Кром, кто бы мог подумать, что в этом приюте безумцев на Кабаньем острове у него отыщется столько знакомых.

Тем временем Датарфа протиснулась к эшафоту и грузно вскарабкавшись на него, рванула

рубаху. Груди выскользнули на свободу и заколыхались, как наполненные вином бурдюки. Похоже у этой достойной жительницы Терена была слабость прилюдно демонстрировать свои прелести.

— Отец, я всегда любила тебя! — закричала Датарфа.

Палач смотрел то на нее, то на ее сестру. Слезы лились по его морщинистым щекам.

Датарфа вытащила из-за пояса топор, крутанула в воздухе — и вновь поймала.

Толпа ахнула.

Женщина ударила себя топором в грудь. Лезвие с хрустом вошло под левый сосок. Датарфа выдрала топор и рубанула вновь.

— Смотрите все! Хороший дровосек может не только валить деревья! — демонически захохотала она, продолжая наносить себе удар за ударом, пока не упала замертво.

В это время кто-то из толпы метнул здоровенный деревянный брус в палача. Удар был точен и стариk повалился с раздробленными ногами. Толпа одобрительно загудела. Мальчишки засвистели.

— Меропа, дочь моя! — слабеющим голосом пробормотал стариk.

— Ах вы, твари! — завопила торговка, и бросила в толпу отрубленную голову.

Пока та летела, многие успели разобрать черты лица убитого.

— Да это же достойнейший судья Ахупам! — закричали люди. — Мерона убила его!

— Смотрите, презренные! Это его меч! — взревела Меропа, поднимая над головой клинок. — Этот жалкий трус сдох от своего же оружия. Этот жирный слизняк не мог за себя постоять. Я зарезала Ахупама как свинью, его собственным мечом! А теперь умрете вы!

С этими словами она опустила меч на голову ближайшего зеваки. Тот вскрикнул и упал. Меропа по-собачьи наклонила голову, облизнулась и рассекла грудную клетку другого.

Тот с изумлением посмотрел на свою грудь и вдруг резким движением извлек собственное пульсирующее сердце.

Меропа захохотала.

— Оно тебе уже ни к чему! — и вырвав сердце из его слабеющих рук, жадно впилась в него зубами.

Толпа бросилась к Меропе, размахивая ножами и дубинами.

— Ну идите все к мамочке! Мамочка вас приласкает! — орала Меропа, орудуя мечом с поразительной ловкостью. Она успела умертвить пятерых, прежде чем людская волна отхлынула назад.

Горожане пустились в бегство. Обезумев от ужаса, они вопя и толкаясь бросились в сторону киммерийца. Вдруг одна из женщин с красными белками глаз и в лохмотьях, когда-то вполне приличного платья, заметила Конана.

Она остановилась и завизжала.

— Чужеземец! Это он виноват во всем!

Толпа угрожающе заворчала. Появился некто на кого можно было свалить вину за все те ужасы, которые отныне их окружали.

Конан встал в боевую стойку и взял меч обеими руками.

— Идите сюда, дети Нергала, — прорычал он. — Идите сюда и вы увидите, как сражаются настоящие воины!

Поток обезумевших горожан захлестнул огромную фигуру варвара. Тому ничего не оставалось делать, как орудовать мечом направо и налево. Митра Солнцевеликий, ему было совсем не по душе сражаться с безоружными, но выбирать не приходилось. Меч — неплохой аргумент в споре с разъяренной людской массой. Пусть он не может вразумить, но зато может остановить.

Через пару терций вокруг варвара валялись искромсаные тела безумцев. Сам северянин

отделался несколькими ссадинами и ушибами. Да и что могли сделать изнеженные горожане, привыкшие коротать одинаковые дни за вином и игрой в кости с воином, чей жизненный путь был устлан телами демонов и чудовищ.

Неподалеку от него на эшафоте, умирающий палач разбитыми губами звал свою дочь.

— Меропа!

Вся покрытая своей и чужой кровью, словно богиня мщения, бывшая торговка мясом брезгливо перешагнула через труп и двинулась к отцу.

Он силился встать, опираясь на меч, но у него ничего не получалось. Переломанные ноги отказывались повиноваться.

— Отец! — вскрикнула Меропа, взобравшись на эшафот.

— Казни меня, дочка! Бремя пришло! Серые Равнины зовут меня! — прохрипел стариk, захлебываясь кровью.

Меропа зарыдала и что есть мочи рубанула отца по шее, исполняя его последнюю волю. Сталь пронзила дряхлую плоть и голова старого палача покатилась по эшафоту.

Меропа пнула мертвое тело.

— Безголовый старикашка! Я говорила тебе, не лезь не в свое дело! Ты слишком стар для него! Ты не послушал собственную дочь и вот чем все закончилось! Теперь твоя душа отправится в огненные подземелья Зандры! Чей Рдяный Серп будет кромсать твой дух до тех пор, пока мир не канет в пучину Хаоса!

Услышав крики, лязг стали и гул за своей спиной, она медленно повернулась.

Киммериец уже был внизу. На лестнице валялось много искромсанных тел. Конан шел сквозь толпу, прорубая путь мечом, словно через мангровые заросли. Он двигался легко, не задерживаясь, как будто люди были не из плоти и крови, а из сухой соломы, как чучела на крестьянских полях.

Меропа сжала в руках меч.

— Вот кто истинная причина бедствий! — сказала она тихо и страшно.

Конан не услышал ее слов, а если бы и услышал, то что бы он мог возразить? Он действительно виноват. Виноват в том, что поддался на уговоры безумного царя, который решил разомкнуть Круг Времен, установленный небожителями. И вот — Круг разомкнут, но цена этого: город, в руинах, жители истребляющие друг друга, и вместо сытого счастья и всеобщей благодати — кровь и пепелище.

Меропа и Конан пробивались сквозь толпу друг к другу, пока их клинки со звоном не скрестились.

Варвару претило сражаться с женщинами, но выбора не было. Погибать от меча этой безумной демоницы северянин не собирался, поэтому единственное, что он мог для нее сделать — это даровать Меропе легкую смерть.

Легко отбив ее выпад, Конан нанес глубокий Удар в ее мясистую грудь, которую так беззаботно обожал кривой Арфаст. Сердце ее стукнуло в последний раз — и замерло.

Она, еще открывала рот, пытаясь выдавить последние слова, но это было равносильно попытке рыбы поговорить с рыбаком.

Повсюду были птицы и цветы.

На потолке, на ширмах, на стульях. На занавесях из красного шелка и синих покрывалах из бархата. И среди этих птиц и цветов, словно в чертогах шемитской богини любви Ашторет, наперсницы Матери-Иштар, на резной кушетке возлежала Стефания. Ее многочисленные косички свешивались вниз, а вплетенные в них серебряные шнурьи, вились по полу, составляя витиеватые узоры.

Стефания замерла в чудесном предвкушении. Мнилось ей, что наступило мгновение, ради которого стоит приходить в этот мир и терпеть его несовершенство. Это — мгновение Абсолютной Красоты, за которой нет ничего: ни морали, ни логики, ни даже самого Хаоса. Красоты, ощущив которую можно плакать от счастья или хохотать от восторга, единственное, чего невозможно сделать — так это устоять перед ней.

Из окна, выходившего в сад, лился свет. Проникая сквозь узорчатые ставни, он становился прозрачным, и все, что находилось в комнате выглядело слегка нереально, словно на полустертой мозаике лемурийских мастеров.

Перед красавицей Стефанией, весь дрожа, переминался юный раб, впервые доставленный перед властные очи хозяйки. Она приобрела его взамен прежнего, который потерял рассудок, почему-то вообразив, что он не вещь, а человек.

Жестокосердная хозяйка не пыталась его вразумить. К чему? Тем более, что она уже пресытилась его совершенным телом. Если он человек, то должен быть свободным — рассудила она и приказала сбросить дерзкого строптивца с вершины башни.

Вероятно, тот испытал мимолетные мгновения свободы, пока летел вниз. По крайней мере ей нравилось думать именно так.

Новый раб, почти мальчик, еще не изведал женской ласки. Но Стефания знала, что именно в таком возрасте в юных телах начинает бродить смутное желание, еще не осознанное, но уже полное силы.

Он стоял перед ней, полностью обнаженный. Юноша был великолепно сложен, Митра наделил его бархатистой нежной кожей, которую хотелось гладить кончиками пальцев и слизывать с него капельки пока еще душистого молодого пота.

Но раб и не подозревал — какие мысли бродят в красивой головке его новой хозяйки. Самому себе он казался неуклюжим и уродливым.

Стефания провела кончиком ногтя по его коже, покрытой мурашками: в комнате было прохладно.

— Ты прекрасен, как юное божество. Все части твоего тела гармоничны и их линии ласкают взор совершенством. Твои губы как ягоды дикого дерева элайо, что плодоносит раз в двенадцать зим. Руки твои, гибкие словно лианы. А волосы, подобны гриве неукрощенного жеребца. Я довольна раб! Я не зря потратила деньги.

Она поманила мальчика — тот робко приблизился и встал на колено перед ее ложем. Стефания кончиками пальцев взяла его за подбородок и подняла его голову.

— Я чувствую, нам предстоят многие дни блаженства. Конечно тебе еще недостает мужской силы и выносливости, но мой колдун сварит для тебя эликсир из мочевого пузыря заморийского древесного лиса, после которого ты влетишь в мое лоно зеленой пчелой, несущей мед любви.

Мальчик задрожал еще больше.

Стефания улыбнулась.

— Я голодна! Эй, рабы, несите фрукты и сладости! — воскликнула она, и тотчас занавеси всколыхнулись.

Десяток хорошо вышколенных слуг бросились исполнять прихоть своей хозяйки.

— Не бойся, раб, мое нежное божество, — сказала она томным голосом. — Тебе нечего бояться, воплощение сладости. Пока ты будешь послушен моей воле, твоя жизнь будет столь же приятна, как купание в теплом вине.

Похоже, мальчик не верил ее словам. Он продолжал смотреть испуганно, будто его хозяйка пообещала содрать с него кожу.

Стефания ласково коснулась его живота.

— Не бойся, — повторила она. — Я угощу тебя такими яствами, которых ты никогда не пробовал. Тебе понравится!

Мальчик вдруг поднял взгляд и посмотрел в сторону окна.

— Птица! — сказал он.

Стефания тоже посмотрела туда, но ничего не увидела.

Лишь, в промежутке между занавесями, которыми хлопал легкий ветерок с моря, мелькнул крылатый силуэт.

— Ты видел птицу? — ласково спросила Стефания.

Мальчик кивнул.

Красавица снисходительно улыбнулась.

— Что это была за птица? Разноцветный кимарин из береговых джунглей?

— Нет, — отрицательно замотал головой раб, — это была черная птица.

Занавеси вдруг всколыхнулись и ткань стала тлеть, словно ее пожирал невидимый огонь. Красный шелк покрывался темными пятнами, нити распадались на волокна и медленно кружили, слетали на пол. Слуги принесли яства на серебряных подносах. Но что это? С ужасом и отвращением Стефания увидела, что гнилые фрукты кишат червями, а сладости напоминают нечистоты.

— Вон! — взвизгнула Стефания и вскочила с ложа.

Она посмотрела мальчику в лицо, и застыла от страха.

Кожа его стала почти черной, словно у стигийской мумии, которую извлекли на свет спустя тысячу зим после погребения. Глаза отсутствовали, нос провалился, зубы раскрошились.

Стефания истошно завопила и оттолкнула тварь, которая еще мгновение назад была ее новой игрушкой. Монстр пошатнулся. Шея его надломилась. В ней появилась трещина, но крови не было. Жилы демонического создания были наполнены пеплом.

Стефания бросила взгляд на собственные руки. И тут ужас сковал ее тело и пригвоздил к ложу ледяным мечом Имира. Ее прекрасные пальцы, некогда умащиваемые лучшими вендинскими благовониями теперь напоминали высохшую лапку нетопыря, которую бродячие комедианты вешают па свои погремушки. Кожа сморщилась и пожелтела, ногти пошли чешуйками, вены набухли и покрылись узлами.

Стефания обернулась. Вместо обнаженных молодых рабов ее комната была наполнены острозубыми мерзкими тварями, покрытыми свалявшейся шерстью. Они тянули к своей бывшей хозяйке когтистые лапы и рычали.

Все еще надеясь на спасение, женщина бросилась к окну: распахнула узорчатые створки и выпрыгнула в сад. Но внизу сада уже не было: деревья на ее глазах рассыпались в труху, а цветы превратились в пыль.

Стефания склонилась над водой в каменной ванне, стоявшей посреди сада, и пытаясь разглядеть свое отражение. Через миг она отшатнулась и по-звериному завыла: из воды на нее глядела старуха, покрытая коростой багровых струпьев.

Та, что еще терцио назад была первой красавицей Терена, вцепилась ногтями в щеки — и застонала.

Как в тумане она добрела до края террасы и посмотрела вниз. Подслеповатые глаза плохо различали предметы вдалеке, но она все же сумела рассмотреть на узкой улочке две фигуры размахивающие мечами. На мгновение ей показалось, что эти люди ей знакомы. Но Стефания так и не сумела вспомнить — кто они.

Силы оставили бывшую красавицу. Она пошатнулась — и, словно зеленая пчела из колдовского эликсира заморийского некроманта, — полетела вниз, на камни мостовой.

Терен разваливался и умирал. Конан старался больше не ввязываться в драки. Люди и без него вполне успешно отправляли своих сородичей на Серые Равнины.

Конан решил, что разумнее всего побыстрее убраться из этого места, с каждой терцией становившимся все менее гостеприимным, и устремился по направлению к городской стене. Это оказалось не так-то просто сделать. Узкие кривые улочки имели обыкновение предательски сворачивать в противоположном направлении, переплетаться друг с другом, а то и вообще — заканчиваться тупиком.

Наконец он набрел на узкую кривую уличку, казавшейся несмотря на разрушения, смутно знакомой, Конан двинулся вперед и вскоре вышел па рыночную площадь..

Некогда оживленное место теперь выглядело ужасно. Кругом валялись трупы горожан, разломанные прилавки и раздавленные фрукты. Остро пахло пряностями, просыпавшимися из прорезанных мешков и свежепролитой кровью. В воздухе кружили перья и жужжали мухи.

— Остановись, варвар! — послышалось сзади.

Конан оглянулся. Перешагивая через тела своих подданных, к нему приближался Нилам, царь Терена. Его развевающиеся золоченые одежды были пропитаны кровью, лицо покрыто тонким слоем известки, в волосах запутался колючий плющ.

В безжизненных глазах владыки плескалась смерть, а изрезанные руки сжимали длинный клинок, с бурыми ручейками на лезвии.

Конан наметанным глазом отметил, что по всему выходит — царь неплохо владеет мечом. Хорошего бойца можно определить уже по тому, как он держит в руках клинок.

Чувствуется, что остановившееся время не помешало владыке постоянно тренироваться в рукопашном бое. Впрочем, может быть Круг Времени застал его как раз за этим занятием и все последующие зимы Нилам уже был вынужден совершенствовать мастерство, вне зависимости от собственного желания.

Конан усмехнулся.

— Я никуда и не ухожу, царь! Как видно ты вспомнил о той награде, которую обещал мне, если я успешно справлюсь с твоим поручением? Что ж, я готов ее получить!

Нилам ловко перепрыгнул через обломок каменной скамьи и подошел к Конану на расстояние равное длине копья.

— Сейчас ты получишь, свою награду, варвар! И, клянусь Нергалом, ты останешься доволен, ибо я дарю свободу твоей душе, выпустив ее из этого неуклюжего тела. Скоро ты предстанешь перед своим богом Кромом, варвар, и сможешь поведать ему, что пал от меча настоящего воина. Ты умрешь от руки царя — и это самая щедрая награда, смертный, которую только бы мог измыслить твой скучный разум!

— Я уже говорил тебе, царь, что предпочел бы звонкую монету! — ответил киммериец, — но почему сердце твое полно ненависти? Ведь до сих пор я не был твоим врагом?

Нилам посмотрел на него с презрением:

— Ошибаешься, варвар! Теперь ты мой враг! Но это не твоя вина. Ты сделал, что обещал, но теперь мой город и мой народ катятся в преисподние Зандры. И душа моя не успокоится до тех пор, пока я не вырву твое сердце и не положу его на алтарь Темной Кали, моля ее о милости для себя и своих подданных. Ты разгневал небожителей, варвар и только твоя смерть может искупить это! Теперь ты будешь умерщвлен. Так повелели боги и я каждое мгновение слышу их тихие голоса.

Конан прекрасно понимал, что Демоны Темных Глубин отобрали у несчастного последние крупицы разума, но даже это, не могло его примирить с необходимостью становиться жертвой на затерянном островке Жемчужного архипелага. В конце концов у него еще оставалось еще много незавершенных дел, и он вовсе не собирался бросать их на середине, только потому, что кому-то так захотелось.

— Защищайся, царь! — крикнул Конан, и первым бросился в атаку.

Тот легко отбил удар и даже сумел слегка задеть киммерийца, начертав на его предплечье будущий шрам.

— Смирись, варвар! — пробормотал Нилам, — Смирись и покорись воле Бессмертных!

— Ты убедил меня, царь, что богам потребна жертва! — отозвался Конан, — только почему бы ей не стать тебе? Ведь жертва царской крови куда лучше, чем тело какого-то варвара.

Конан попытался сделать обманное движение, потом стремительно ударил слева. Нилам отбил его атаку со склонкой на лице.

— Сражайся, как мужчина, варвар! — захотел он, обнажив крепкие зубы, — подойди ближе и ударь мечем. Или прими смерть, как и подобает воину.

Конан сделал выпад, потом еще один. Темный меч взвихривал тяжелый воздух, но правитель рю-прежнему не получил ни одной царапины. В ярости Конан нагнулся, нашупал обломок деревянного бруса и запустил его в Нилама. Царь ловко отпрыгнул в сторону и укрылся в тени, под террасой одного из домов, выходящих на площадь. Краем глаза варвар увидел какое-то движение наверху. Не упуская из виду своего противника — он чуть сощурил глаза — вверху на третьем ярусе бесновалась безобразная старуха с ворохом седых косичек на голове.

Варвар занял оборонительную позицию. Он решил беречь силы и больше не нападал, рассчитывая, что рано или поздно царь хотя бы на мгновение потеряет бдительность. Когда безумец устанет, вот тогда и следует наносить удар. В конце концов в бою не всегда побеждает сила, часто верх одерживает тот у кого больше терпения и выносливости. Он осторожно перехватил меч левой рукой, а правой вытащил ханасульский кинжал, тот самый, что он обнаружил близ останков Шевадана.

Вдруг в воздухе мелькнула какая-то тень и что-то тяжелое рухнуло прямо перед Ниламом, подняв тучу разноцветной пыли от рассыпанных пряностей.

Царь, не ожидавший этого вздрогнул и на мгновение отвел глаза, бросив взгляд на мертвое тело у своих ног.

Этого хватило.

Конан резко взмахнул рукой.

Ханасульская сталь, которая как гласит легенда, режет даже утренний туман, запев песнь крови и пустоты, рассекла вязкий воздух и, блеснув в лучах солнца, вонзилась в глазницу безумного владыки.

Нилам несколько раз судорожно сглотнул, как будто что-то невысказанное застряло в его горле и медленно осел на землю.

— Дешевле было бы рассчитаться за работу, — тряхнул головой Конан, — Кром, ну почему же мне так не везет с нанимателями?

Варвар подошел к распростертым телам. Одежда старухи показалась ему знакомой. Он наклонился и перевернул труп. Сомнений нет, перед ним была та самая красотка, которая предлагала оскопить варвара и бросить в море.

Теперь красоткой ее не назвал бы даже слепец.

— Никогда бы не подумал, что сварливость так быстро уродует женское лицо, — вздохнул варвар. — Боги, вы зря разгневались на эту несчастную женщину, я ведь уже и позабыл о ее наветах.

Он сделал несколько шагов, нагнулся и выдернул кинжал из царской глазницы. Нилам лежал, полуоткрыв рот, как будто силился что-то произнести напоследок.

— Не знаю, что ты там хотел сказать, но думаю это уже неважно, — заметил Конан.

Стена дома перед киммерийцем задрожала. Варвар отскочил. Камни, из которых она была сложена, раскрошились и поползли вниз. Со страшным грохотом дом обрушился, погребя под своими обломками тела безумного царя и старухи с тысячей косичек.

Конан двинулся прочь.

На краю рыночной площади бились мертвецы-мальчишки. Они яростно рвали зубами друг друга в клочья и играли отрубленными головами, словно мячом. Поодаль носились изувеченные трупы шакалов: отрезанные лапы стучали когтями по брускатке, оторванные хвосты извивались, а головы клацали зубами, норовя вцепиться мертвым сорванцам в лодыжку.

По земле мелькнула быстрая тень. Затем другая. Конан поднял голову. Это Тысячи черных птиц опускалось на город. Шелест множества крыльев по звуку напоминал листопад в осеннем аквилонском лесу.

Черная стая прилетела за мертвецами и — и не собиралась улетать без добычи.

Птицы кружили в воздухе, некоторые пикировали вниз, чтобы отхватить сильным клювом кусок от валяющегося трупа. А мертвецы поднимались и пытались ловить птиц непослушными окоченевшими руками.

Пару терций Конан наблюдал за битвой мертвецов и птиц, потом ему это наскучило и он пошел прочь.

— Есть в хайборийском мире много вещей, которые я люблю гораздо больше, — рассуждал он, обращаясь к трупу шакала, который увязался за ним, и бежал рядом на отрубленных лапах, — это доброе вино, знойные красотки и звон золотых монет.

Шакал высывал разложившийся язык и ничего не отвечал. Впрочем, будь он живым — вряд ли и тогда он смог бы оказаться достойным собеседником.

Улиц больше не было. Терен лежал в руинах.

Кое где шевелились мертвецы, пытаясь выкарабкаться из под упавших на них каменных плит. Но это им не удавалось, потому что бурное разложение тотчас превращало их тела в гниль, плоть отваливалась кусками, оставляя голые скелеты, которые в следующее мгновение распадались в прах. Сквозь обломки со скоростью летящих стрел прорастали деревья, вороша и раскалывая камни.

Две черные башни двух половин дворца провалились одновременно. Ушли в землю, как уходят в воду мачты тонущего корабля. Втянулись, словно чудовищные жвала Затха, заморийского Бога-Паука...

В городской стене, неподалеку от того места, где спускался Конан, появилась трещина. Она становилась все шире и шире, пока огромный кусок стены не рухнул, подняв тучу пыли. А когда пыль осела, Конан увидел лес. После грохота, запаха падали и искромсанных обломков стен было как-то странно видеть деревья, мирно покачивающиеся под легким морским ветерком.

Конан бросился к ним, мечом пролагая себе путь сквозь тучу черных птиц. Он ловко перепрыгивал через мгновенно растущие корни, уклонялся от веток, которые на глазах вытягивались из стволов, стремительно пробивающихся сквозь камни. Деревья всего за пару терций вырастали в человеческий рост, а через половину поворота клепсидры, они уже достигали небес, пронзая своими острыми ветками черных птиц, и возносили к небу наколотые на свои навершия человеческие трупы.

Наконец Конан вырвался за пределы города и еще долго мчался среди деревьев, увитых лианами. Остановился он только возле ручья. Несколько пестрых рыбок словно застыли в прозрачной воде, едва пошевеливая плавниками. Только сейчас Конан понял, как его мучит

жажды. Погрузив лицо в воду, он принял жадно глотать, чувствуя, как прохладная живительная влага разливается по всему телу. Открыв глаза, он увидел блестящие монетки капитана Гураба, и вспомнил о золоте, которое было в царском дворце: кубках и блюдах, птичьих клетках, диадемах, браслетах и перстнях.

Знал бы Гураб, какие сокровища скрывает Кабаний остров! Пожалуй, когда-нибудь стоит вернуться сюда, снарядив хороший корабль и набрав команду из отъявленных головорезов.

Подняв голову, Конан оглянулся. Развалины Терена уже поросли густым лесом. Невозможно было представить, что пару колоколов назад на этом месте стоял цветущий город.

Лес на развалинах продолжал расти. Камни покрывались мхом, лианы взирались на стволы. Слишком быстро возносившиеся к небу деревья со скрипом обрушивались вниз, ломая молодняк и сухостой. Другие деревья поднимались на их месте, и в свою очередь умирали. Вскоре развалины были погребены под лесом и более ничто не напоминала о Терене и Круге Времен.

Рыбы способны видеть сквозь воду.

Жаль только, что они неспособны осмыслить увиденное и не умеют говорить. Иначе они смогли бы рассказать, как на закате из леса на берег вышел покрытый кровью черноволосый человек. Он брел, шатаясь, с трудом волоча за собой меч. Дойдя до полосы прибоя, он остановился, приподнял меч и воткнул его в песок.

Набежавшая волна, принесшая с собой нескольких мертвых мальков и полуживых раковин, забурлила вокруг него, шипя как закипающий котел. Она закружилась вокруг ног человека, смывая с него пыль и кровь. Но он будто бы не замечал этого. Его синие глаза смотрели вдаль. Туда, где у кромки окоема белел косой парус рыбацкого суденышка.

Солнце распласталось над горизонтом, как бычий глаз, выпавший из глазницы мертвого животного. Оно окрасило в багрянец поверхность воды и мазнуло пурпуром по белому парусу, мгновенно сделав его цвета крови. Улыбка осветила уставшее лицо человека, и он принялся заплетать жесткие черные волосы в косу, как это делают моряки, чтобы длинные волосы не мешали плыть.

Заплетая косу, он шаг за шагом входил в волну. Когда море достигло его бедер, он отпустил волосы и обернулся.

Эфес меча блестел в свете закатного солнца, словно золотой скипетр.

Это было все, что осталось от славного города Терена.